

тели зарывали свои сокровища, сбереженные съмна частью давали въ кормъ скоту, частью раскидали по снѣгу, послѣ чего у нихъ бытъ отличный урожай. Въ одинъ изъ набѣговъ не-пріятель врасплохъ застигъ одного Карела, Лягоненъ Тигта, когда онъ спалъ богатырскимъ сномъ. Наконецъ, пребужденный шумомъ, Лягоненъ вскочилъ съ постели, схватилъ лукъ, стрѣлы и портки подъ мышку и кинулся бѣжать; врагъ—за нимъ. Какъ ловкий бѣгунъ, онъ бы давно избавился отъ злодѣевъ; но сильный морозъ заставилъ его остановиться, чтобы надѣть портки. Тутъ какъ-разъ настигли они его. Тогда онъ недолго думалъ, взялъ лукъ, стрѣлы, нацѣлился на нихъ и закричалъ: *katscho, tie attip*, берегись, застрѣлю. Враги такъ струсили, что онъ, пользуясь ихъ смущенiemъ, кончилъ свой нарядъ и успѣлъ уѣхать въ темный лѣсъ. Разбойники, между-тѣмъ, продолжали свои опустошенія и пришли наконецъ къ одному озеру подъ именемъ Туоннаерви. Отсюда рѣшились они отправиться къ Пэерви, но, не зная дороги, наняли себѣ въ проводники мужика изъ деревни Кисѣки. На пути имъ встрѣтился сильный водопадъ. Приближаясь къ нему, проводникъ направилъ лодку къ берегу, самъ вскочилъ, а ее пустилъ въ водоворотъ. Тутъ они и погибли.»

Кромѣ подобныхъ разсказовъ о воровскихъ набѣгахъ Финновъ на Русскую Карелію, Кастренъ слышалъ въ Ухтуѣ нѣсколько разсказовъ объ одномъ исполнинскомъ народѣ, подъ названиемъ *Naikkolaiset*, или *Naikon kansa*. «О происхожденіи этого народа есть преданіе, что лѣшій (*metsanhraa*) похитилъ одну женщину (христіанку), родившую отъ него мальчика и девочку, которые, въ-послѣствіи, произвели на свѣтъ это богомерзкое поколѣніе, названное *Naikkolaiset*. Чуждавсь всякаго сообщества съ христіанами, народъ этотъ поселился на горѣ Хапаварѣ и тамъ образовалъ совершенно заключенное въ самомъ себѣ общество. Число людей, принадлежавшихъ къ этому поколѣнію, сводится до 17 мужчинъ, способныхъ носить оружіе. Всѣ они погибли до послѣдняго человѣка въ воровскую войну. Объ этомъ народѣ я ни прежде, ни послѣ не слыхалъ никакого преданія.»

Изъ Ухтуї отправился нашъ ученый въ Туоннаерви, оттуда черезъ Пэерви въ Кусамо. Здѣсь нашелъ онъ мало

для себя занимательного, кромѣ множества преданій о Лопаряхъ. «Про нихъ, между-прочимъ, говорили, что они были въ постоянной враждѣ съ однимъ народомъ подъ названіемъ *Kiivakkäät*. Быть-можетъ это исказенное слово вмѣсто *Kiivikäet* (единственное — *Kiivikäsi*, каменная рука) и намекаетъ на то, что народъ этотъ употреблялъ камни, какъ орудіе метательное. Подтверждениемъ этой догадки служить то обстоятельство, что на томъ мѣстѣ, гдѣ, по рассказамъ, происходила битва Лопарей съ народомъ Кивиккѣэмъ, найденъ былъ камень, весьма похожій на прашу. Изъ другихъ преданій о Лопаряхъ приведу еще слѣдующее, такъ-какъ оно хорошо выражаетъ ихъ образъ понятій о правдѣ и справедливости. Одинъ Лопарь, въ Кусамо, тайно умертвилъ свою жену; но это злодѣяніе вскорѣ было открыто его десятилѣтнимъ сыномъ. Мальчикъ открылъ тайну роднымъ своей покойной матери. Они созываютъ старшинъ деревни на слѣдствіе. Судьи, по обычаю, собрались въ домѣ обвиненного и устроили такъ-называемую судную избу (*käta-käräjät*). Уличенный былъ приговоренъ къ висѣлицѣ, и судьи же привели свой приговоръ въ дѣйствіе. Еще доселѣ указываютъ на мѣсто казни, и мѣстные жители рассказываютъ, что не очень давно разрыми его скелетъ, какой-то заржавленный котелъ, ножъ и топоръ.»

Изъ Кусамо Кастренъ отправился въ Улеаборгъ, откуда черезъ Остроботнію и Тавастъ въ Гельсингфорсъ, чѣмъ и заключилъ свое путешествіе по Кареліи.

III. Путешествіе по Лапландіи, съверной Россіи и Сибіри въ 1841—44 году.

Въ 1841 году, въ сопровожденіи Леврота и отчасти на его счетъ, Кастренъ предпринялъ путешествіе, которое по предварительно составленному плану должно было обнять извѣстныя части Лапландіи и Архангельской губерніи. Мѣстомъ отправленія назначено приходъ *Кеми*, чѣмъ въ 25 верстахъ на западъ отъ гор. Торнео. Прибывъ въ деревню Салла, рѣшились они отправиться отсюда въ Русскую Лапландію, на-

дѣясь здѣсь найти богатую жатву для науки, тѣмъ болѣе, что донынѣ ни одинъ путешественникъ порядочно не изслѣдовалъ этой мѣстности въ этнографическомъ и лингвистическомъ отношеніяхъ. «Особенно занимали насть Лопары и деревни Аккала, которые, по свидѣтельству крестьянъ Финновъ, живутъ въ строгомъ отчужденіи отъ Русскихъ, почему намъ казалось, что у нихъ языкъ и народность вообще сохранились въ большей чистотѣ, чѣмъ въ другихъ частяхъ Лапландіи. Любопытство наше касательно этихъ Лопарей еще болѣе затронуто было тѣмъ, что они слышили самыми искусными въ волшебствѣ на всемъ сѣверѣ.» Но непредвидѣнныя обстоятельства помѣшали ихъ благому намѣренію, и, принужденные измѣнить свой планъ, они отправились сначала въ Энаре, чтобы оттуда послѣ святотѣкъ начать свое путешествіе по Русской Кареліи. Въ Энаре Кастренъ получилъ изъ Петербурга письмо отъ академика Шёгрена. «Онъ извѣщалъ меня — говорить Кастренъ — что Императорская Академія Наукъ рѣшила отправить ученую экспедицію въ Сибирь и приглашаетъ меня принять въ ней участіе въ-качествѣ этнографа и лингвиста. Это предложеніе согласовалось съ пламенными моими желаніями, и я принялъ его тотчасъ же. Изъ письма Шёгрена я увидѣлъ, что путешествіе можетъ состояться не раньше, какъ черезъ годъ, и мнѣ разрѣшалось воспользоваться этимъ временемъ совершенно по моему благоусмотрѣнію. Впрочемъ, почтенный академикъ совѣтовалъ мнѣ не прерывать настоящаго моего путешествія, но отправиться въ Энаре въ Русскую Лапландію, откуда пройти въ Архангельскъ, затѣмъ къ европейскимъ Самоѣдамъ и наконецъ чрезъ Ураль въ Сибирь, гдѣ свою дѣятельность я долженъ былъ посвятить Академіи.»

Путешественники наши направились къ Колѣ. Путь лежалъ по озеру Энарскому. Въ первый день дошли они только до половины озера. «Въ этотъ день — говоритъ Кастренъ — прошли мы двѣ большія бухты: Уконъ-сельке и Каттиланъ сельке. Это послѣднее название дано потому, что, какъ говоритъ преданіе, одинъ Лопарь измѣрилъ ея глубину котломъ, привязаннымъ къ канату. Название же Уконъ-сельке имѣть миѳическое основаніе (по-лопарски *Äije jaengga*) и даетъ мнѣ

новодѣ сообщить здѣсь нѣсколько замѣчаній о древнемъ богочтитаніи Лопарей.

«Повсюду, гдѣ только слышна лопарская рѣчь, ходятъ разсказы о Сейдахъ, т. е. о каменныхъ истуканахъ, которыми вѣкогда Лопари приносили жертвы. Они обыкновенно состояли изъ роговъ и костей оленей, въ преимущественно дикихъ оленей. Гѣгстремъ разсказывалъ, что вѣкоторые Сейды окружались обширною оградою, и отъ всѣхъ животныхъ, которыхъ убивалъ Лопарь внутри этого пространства, приносилъ онъ въ жертву имъ то голову, то ноги и особенно крылья птицъ. Я самъ слышалъ, что Лопари, вѣслучай удачи на охотѣ, приносили Сейдѣ въ жертву оленю голову съ шею. Остальные и лучшія части сѣѣдали охотники сами на мѣстѣ жертвоприношенія; но тѣмъ-не-менѣе возвращались они съ головымъ желудкомъ, потому-что все, что ни сѣѣдали они, шло Сейдѣ во благо. По словамъ Гѣгстрема, горные Лопари имѣли также обычай окроплять своихъ истукановъ кровью оленей; а Лопари-рыболовы мазали своихъ Сейдѣ рыбьимъ жиромъ. И когда потомъ высыхалъ этотъ жиръ отъ солнечныхъ лучей, то Лопарь думалъ, что Сейда сѣѣдалъ эту жертву.» Торнеусъ и Гѣгстремъ соглашаются въ томъ, что Сейды не дѣла рукъ человѣческихъ, а созданы самою природою; форма ихъ особенная, подобно окаменѣостямъ. Такъ, быть-можетъ, было съ большою частью изъ нихъ. Но Кастренъ самъ видѣлъ на одномъ островѣ на озерѣ Энарскомъ одного Сейду, сложенного изъ небольшихъ каменьевъ съ фигурую и въ ростъ человѣческий. Изъ упоминаемыхъ Гѣгстремомъ человѣческихъ изображеній, вырезанныхъ изъ коры деревъ, въ Лапландіи не нашелъ Кастренъ никакихъ слѣдовъ; но въ сѣверныхъ краяхъ Финляндіи встречаются на деревьяхъ изображенія человѣческія. «Они назывались *Молекитами* и въ древности, должно быть, пользовались богочтитеніемъ. Въ округѣ Соданкюле и понынѣ дѣлаются такія изображенія, особенно, когда кто куда отправляется въ первый разъ. Такое изображеніе называется *Хуриккайненъ* и отличается отъ *Карсикко*, употребляемаго съ тою же цѣлью въ области Калны; но его дѣлаютъ такъ, что срубаютъ всѣ вѣтви съ дерева, кроме одной, направленной въ ту сторону, гдѣ лежитъ родина отъѣзжающаго. Вероятно, эти *Хуриккайненъ*, служившія Лопа-

рямъ за идоловъ, подобно Молекитамъ, тожественны съ такъ-называемыми Виронъ Акка, Сторъ-юнкаре и т. д. (ихъ описываютъ Шефферь, Гёгстремъ и мн.) Не выводимъ изъ этой гипотезы никакихъ результатовъ; но тѣмъ-не-менѣе изъ этого ясно, что Лопары были преданы грубому, чувственному, естественному богочтитанію. Въ Сейдахъ чтили они не самыи камень, но и не глядѣли на нихъ, какъ на представителей или символы божескаго существа, но просто вѣрили, что въ истуканѣ живетъ богъ. Сообразно съ этимъ представленіемъ, они не только приносили имъ жертвы, но и приписывали имъ жизнь и движенье. «Большая часть Лопарей — говорить Гёгстремъ — думаетъ, что эти камни живутъ и могутъ ходить.» Это и подтверждается однимъ весьма распространеннымъ преданіемъ у энарскихъ Лопарей, по которому Сейды долго держались на поверхности воды, когда Пейвіэ свергнуль ихъ въ озеро Энарское.

Кромѣ Сейль, есть въ миѳологіи Лопарей и личныя божества, какъ, напримѣръ, Эіе (Äye), или Эйшъ (Äijsh) (въ Шведской Лапландіи Aija, Aijeke, Atja), Акку, Хидда, Туона, Лемпо, Маддеракка, или Муллеракка, Уксакка, или Юксакка, Ябмеакка. Старинные писатели говорятъ еще о многихъ другихъ божествахъ; но или они совершенно вымышлены, или такъ названы по какому-нибудь недоразумѣнію, потому-что заставляютъ предполагать такія высокія религіозныя понятія, которыя вовсе невозможны для такого дикаго народа. Изъ божествъ, которыя, дѣйствительно, принадлежать миѳологіи лопарской, по большей части, по-крайней-мѣрѣ, всѣ тѣ же самыя есть и у Финновъ. Такъ, Укко извѣстенъ и въ финской миѳологіи подъ именемъ Äijä; Акку, наша Акка, или Эмма. Хидда, Лемпо, Туона то же, что финскія Хиси, Лемпо, Туони. Äije и Акку встрѣчаются въ Энаре, какъ названія горъ, высокихъ скалъ и большихъ озеръ. Далѣе въ Финской Лапландіи громъ называется Äijsch, что есть уменьшительное отъ Äije, подобно тому, какъ Финны называютъ громъ уменьшительнымъ именемъ Укконенъ. Радугу называютъ финскіе Лопари Äije daugge, что соотвѣтствуетъ финскому Ukkon kaagi (дуга Укко). Слово Хидда слышалъ Кастренъ въ одномъ выраженіи *tana Hiiidan* (по-фински *tene hiiteen* — ступай къ Хидди). Слово Туона, Туоне, или Туонъ, отмѣчено въ лопар-

скомъ словарѣ Линдалья и Эрлинга, но неизвѣстно ни въ Норвежской, ни въ Финской Лапландіи. Йаабмеакка (фин. Tuonen akka) и Madderakka (фин. maan akka, mannun eukko) встрѣчаются также и въ финской миѳологіи; но ей вовсе чужды и Саракка и Уксакка. Миѳологи думаютъ, что Маддеракка, Саракка и Уксакка призывались при родахъ; но данныхъ, на которыхъ они основываются свои предположенія, весьма шатки, и главное изъ нихъ имѣеть только одно филологическое основаніе. Въ Шведской Лапландіи, по слову Линдалья и Эрлинга, слово *madder* (чаще *maddo*) обозначаетъ *происхожденіе*, а слово *saret* — *рождать*. Эти замѣчанія легко навели на качества, которыя и приписали божествамъ Саракка и Маддеракка. Но г. Ленротъ обратилъ мое вниманіе на то, что слова эти лучше производить отъ финского слова *tappi*, земля, материкъ, и *saari*, островъ. Въ филологическомъ отношеніи производство это не встрѣчаетъ никакихъ затрудненій: *tappi* (первоначально *mantere*, потомъ *mander* и наконецъ *tapper*) по духу и по законамъ лопарского языка можетъ измѣниться въ *madder*, такъ же, какъ *hintta* (цѣна) переходитъ въ *hadde*, *rinta* (грудь) въ *radde*, *pinta* (кора дерева) въ *bidde*, *kant* (край) въ *gadde*, *sand* въ *saddu*. Наконецъ, это послѣднее производство подтверждается слѣдующимъ сообщеннымъ мнѣ пасторомъ Фельманомъ отрывкомъ: *Man laem Madderest ja Madderi mon boadam, Madderakast mon laek nellam ja Madderakka tuiilia mon boadam*, т.-е. я происхожу отъ Madder и иду къ Madder, отъ Madderakka я произошелъ и иду къ Madderakka. Очевидно, это переводъ нашего — земля еси и въ землю отыдеши. Если же, дѣйствительно, въ Maderrakka и Saarakka удержались финскія слова *tappi* и *saari*, то весьма вѣроятно, что Madderakka обозначало Сейль, находившіяся на материкѣ, а Saarakka — тѣхъ Сейль, которыхъ Лопари почитали на островахъ. Что касается до Уксакка, или Юксакка, то слово это, вѣроятно, происходитъ отъ лопарскаго *Juksi*, добыча. Въ такомъ случаѣ Юксакка тожественно съ финскимъ *Wiljan Eukko*.»

Кастренъ, живо и увлекательно передавая свои путевые впечатлѣнія, при каждомъ удобномъ случаѣ, сообщаетъ много глубокомысленныхъ замѣчаній и тонкихъ наблюдений. Такъ, въ той же главѣ, гдѣ описываетъ онъ путешествіе изъ Энаре до Колы, и откуда мы заимствовали прелѣпѣшій отрывокъ

о религіозныхъ върованіяхъ Лопарей, — въ той же главѣ находимъ слѣдующу замѣтальную и живую характеристику Лопарей, ихъ нравовъ и образа жизни. Приводимъ ее и потому еще, что въ слѣдующихъ главахъ Кастренъ обращаетъ вниманіе уже на другія народности. Слѣдовательно, выписка эта будетъ какъ бы заключительной статью о Лопаряхъ.

«Я уже выше упомянулъ — говорить онъ — что энарскіе Лопари слѣдѣли замѣтные успѣхи на пути просвѣщенія. Они весьма начитаны въ священномъ писаніи, живутъ смиренѣ и въ страхѣ Божіемъ. Большия преступленія весьма рѣдки; развѣ иногда Лопарь-рыболовъ убьетъ отставшаго оленя отъ стада, принадлежащаго Лопарю горному. Этого они не считаютъ за большой грѣхъ, и одинъ весьма совѣстливый Лопарь-рыболовъ нешути спрашивалъ: въ-самомъ-дѣлѣ, развѣ грѣшно убить иной разъ оленя, принадлежащаго горному Лопарю? Но вообще они боятся неправильнаго завладѣнія чужою собственностью. Лопарь энарскій, въ противоположность другимъ Лопарямъ, необыкновенно воздерженъ. Онъ не откажется отъ водки, когда ему предлагаютъ, но самъ почти никогда не напрашивается. Ихъ упрекаютъ въ корыстолюбіи, жадности и въ страсти къ униженію, и не безъосновательно. Особенно же замѣтилъ я въ нихъ какую-то мелочную щекотливость во всемъ, что только слегка задѣваетъ ихъ частные интересы, и какую-то зависть при удачахъ ближняго. Но эти дурныя качества почти невольно воспитываются въ народѣ, живущемъ въ крайней бѣдности, принужденномъ, для своего пропитанія, безпрерывно бороться со скupoю и суровою природою.»

«Что же касается до домашняго ихъ образа жизни, то они, замѣчу, имѣютъ избы, хотя живутъ въ нихъ только зимию. Лѣтомъ ведутъ они жизнь кочевую и ловятъ себѣ рыбу то въ одномъ, то въ другомъ озерѣ. Когда же кончается рыбная ловля и приближается зима, рыбакъ забирается къ себѣ въ избу, выстроенную глѣ-нибуль на пустынномъ гористомъ мѣстѣ. Покидаетъ ли онъ свое зимовище, то единственно изъ желанія добыть хорошее пастище для оленей, а себѣ — пищи и дровъ. Если же ему не удастся найти всего этого, то онъ findetъ себѣ новаго мѣста для жительства. Старики рассказывали мнѣ, что, такимъ-образомъ, на вѣку своемъ они

мѣняли мѣста жительства по три, по четыре, по пяти разъ. Понятно, что, при такихъ обстоятельствахъ, Лопарю некогда много заботиться о своихъ жилищахъ.»

«Его изба обыкновенно такъ мала, что съ трудомъ вмѣщаетъ въ себѣ семью и, кромѣ-того, нѣсколькихъ овецъ. Вышина въ серединѣ она въ ростъ человѣческій; по сторонамъ же въ ней нельзя держаться прямо. Назначенная для овецъ часть избы иногда образуетъ особое отдѣленіе; оно лежитъ больше въ землѣ. Кухня же — въ другой части избы. Устройство очага весьма просто: оно состоитъ изъ двухъ частей — изъ большаго отверстія и трубы, черезъ которую дымъ выходитъ безпрепятственно на воздухъ. Единственная роскошь, замѣчаемая иногда въ избѣ Лопаря, состоитъ въ какомъ-нибудь оконномъ стеклѣ. Столъ и стулья принадлежать къ рѣдкостямъ. Ложки тоже рѣдки, ибо Лопари обыкновенно ёдятъ свои щи лопаточками. При нѣкоторыхъ избахъ бываетъ еще небольшая пристройка, куда кладутся одежда и другія вещи. Лопари зажигочные имѣютъ особую загородъ для овецъ; а кто держитъ коровъ, имѣеть, конечно, и хлѣбъ. Кромѣ-того, почти у каждого хозяина бываетъ по нѣскольку большихъ и малыхъ кѣтей, какъ въ зміихъ, такъ и въ лѣтнихъ стоянкахъ. Онѣ обыкновенно строятся на высокихъ жердяхъ, изъ опасенія волковъ и другихъ животныхъ, такъ-какъ въ нихъ преимущественно сохраняются сѣстинные припасы.»

«Что касается вообще до хозяйства энарскихъ Лопарей, то здѣсь трудно сказать что-нибудь неизвѣстное почти каждому по прежнимъ описаніямъ Лапланії. Главный ихъ промыселъ — рыбная ловля, всѣ они — такъ-называемые Лопари-рыболовы. Рыба, сохранившаяся отъ лѣта, развѣшивается для сушки и сберегается на зиму. Но зимою Лопаръ не легко удовлетворяется этойю легкою пищею. Онъ ёсть днемъ и потомъ вечеромъ; когда любить употреблять и мясную пищу. Утромъ съѣдаетъ онъ остатки вчерашняго дня или же ёсть сушеную рыбу. Кромѣ-того, многіе Лопари запасаются хлѣбомъ, ланьюнымъ, коровинымъ и овечинымъ сыромъ, молокомъ, морошкою и другими ягодами и всякими другими лакомствами. Мясо получаетъ Лопарь-рыболовъ частью отъ охоты за оленями, частью отъ своихъ собственныхъ небольшихъ

сталь и особенно же отъ соудникъ горныхъ Лопарей, хотя тѣ и неохотно продаютъ своихъ оленей, потому-что и безъ того почти ежедневно стада ихъ уменьшаются отъ волковъ, которые, чтобы употребить выражение одного Лопаря, такъ же опасны ихъ стадамъ, какъ дьяволъ людямъ; но, впрочемъ, всемогущая водка все побѣждаетъ. Придетъ ли путешественникъ въ горную лопарскую деревню и, по обыкновенію, преложить хозяину водки, то получаетъ и олени окорока, и языки, и проч. Сочтутъ за оскорблениe отказать принять эти подарки; но, однажды принявъ ихъ, непремѣнно обязываешься отплатить имъ за это водкою, по пословицѣ: «подарокъ за подарокъ или отдай его мнѣ назадъ». Коли позабудешь эту обязанность, то напомнятъ о ней. Затѣмъ слѣдуютъ новыя приношенія и новое угоженіе, продолжающееся до тѣхъ поръ, пока остается у гостя хотя капля водки. Отсюда ясно, какія страшныя выгоды извлекаетъ расчетливый купецъ изъ продажи водки этимъ Лопарамъ. Неудивительно и то, что энарскіе Лопари эту торговлю считаютъ весьма важнымъ промысломъ.»

«Горные Лопари и въ религіозномъ и въ нравственномъ отношеніяхъ стоять несравненно ниже Лопарей-рыболововъ. Это происходитъ не только отъ ихъ кочевой жизни, но и отъ незнакомства съ языкомъ, на которомъ они получаютъ свое религіозное воспитаніе. Тѣмъ-не-менѣе и горный Лопарь весьма благочестивъ: онъ ежедневно творитъ извѣстныя молитвы и утромъ, и вечеромъ, и за столомъ и тому же поучаетъ и лѣтей своихъ. Какъ Лопарь-рыболовъ, онъ также отъявленный врагъ суевѣрія и язычества и ничего почти или несъма мало знаетъ о своемъ прошедшемъ. Религіозное его чувство обнаруживается и въ необыкновенной любви къ женѣ, лѣтамъ и прислугѣ. Одинъ Лопарь (горный) говорилъ мнѣ, что въ-продолженіе своей тридцатилѣтней брачной жизни овъ ни разу не обмѣнялся дурнымъ словомъ со своюю женой и иначе не называлъ ее, какъ *«loddadsham»* (фин. *lintuiseni* — моя шапка). Я самъ видѣлъ, какъ, ворочаясь домой отъ своихъ оленей поздно вечеромъ или послѣ другой какой-нибудь отлучки изъ лому, Лопарь целуетъ свою жену и лѣтей, съ какою пѣжностью ласкаетъ ихъ. Съ этой мягкостью души Лопарь соединяетъ смѣость и от-

вагу, которыя иногда переходятъ въ совершенное презрѣніе порядка, нравственности и закона. Большія преступленія такъ же рѣдки и у горныхъ Лопарей, какъ и у рыболововъ; но въ житейскихъ отношеніяхъ есть много нравственныхъ правилъ, о которыхъ Лопарь весьма мало имѣеть понятія. Совершенно по древне-германскому порядку любить онъ выражать свою волю кулачнымъ правомъ; языкъ его обыкновенно рѣзкій, видомъ своимъ онъ неуклюжъ и дерзокъ. Иначе и быть не можетъ, потому-что хотя Лопари и приняли уже христіанство, но все же они еще принадлежать къ дикимъ народамъ. Эта дикость видна и въ образѣ ихъ жизни. Начнемъ съ жилищъ: подобно большинству дикарей, они живутъ въ палатахъ. Устройство ихъ такое: втыкаютъ въ землю четыре кривыя палки, изъ которыхъ лѣвъ образуютъ полу-кругъ и стоять въ параллельномъ направленіи на разстояніи иѣсколькоихъ аршинъ другъ отъ друга. Палки эти связываются иѣсколькоими перекладинами, и, такимъ-образомъ, лѣса готовы. Потомъ устанавливаютъ большошесть, оставляютъ про-душину для дыма и отверстіе для входа. Это строеніе покрываютъ грубымъ холстомъ, одинъ кусокъ которого служить дверью. Въ серединѣ этой палатки устраивается очагъ: такъ называются иѣсколько камней на томъ мѣстѣ, гдѣ разводятъ огонь. Потомъ бросаютъ на землю берестянику и разстилаютъ олени шкуры, — и жилище совершенно готово. Въ такой палаткѣ (*goatte*) у горныхъ Лопарей живутъ его жена, лѣти, старики; самъ же онъ и его работники ходятъ за стадомъ, располагаются иногда въ землянкѣ, иногда въ такъ-называемомъ *laavu*, что еще хуже устроено, чѣмъ *goatte*. Лавву устраивается тогда, когда олени располагаются въ недалекомъ разстояніи отъ палатки. Если же нѣть пастбища вблизи палатки, то начинается передвиженіе: палатка, все имущество, всѣ запасы переносятся на другое мѣсто. Такія странствованія, по словамъ Гёгстрема, случаются по два раза въ мѣсяцъ. Кромѣ-того, горные лопари весною уходятъ къ морскому берегу, а осенью ворочаются на горы. Какъ ни тяжелы подобные переходы, еще тягостнѣе Лопарю его постоянный уходъ за оленями. Днемъ и ночью сторожить онъ волка, этого хитраго врага, который прачется въ кустарникахъ и ловить первый удобный случай, чтобы поймать

лобычу. Главное дѣло въ присмотрѣ за оленями состоить въ умѣніи держать ихъ всѣхъ вмѣстѣ. Такъ-какъ число оленей горнаго Лопаря доходитъ до тысячи, а всѣ Лопари, живущіе въ такъ-называемой горной деревиѣ, держать ихъ всѣхъ въ однѣмъ стадѣ, то весьма естественна невозможность углядѣть за всѣми, когда имъ случится разбиться на небольшія кучки. Поэтому Лопарь и забываетъ то туда, то сюда и старается собаками своими удержать всѣхъ оленей вмѣстѣ. Собаки такъ уже пріучены, что Лопарю стоять только указать на оленя, отѣжившаго отъ стада, какъ собака тотчасъ же кидается за нимъ. Но, несмотря ни на какія попеченія, волкъ всегда улучитъ возможность зарѣзать въ ночь нѣсколькихъ оленей. Во всю зиму Лопарь избавляется отъ труда бить оленей себѣ въ пищу; онъ ежедневно употребляетъ только растерзанныя жертвы волка, и, такимъ-образомъ, пишется лучшими кусковъ вмѣстѣ съ кровью, его любимымъ лакомствомъ. Несправедливо вообще полагаютъ, будто бы горный Лопарь питается только мясомъ. Правда, онъ варитъ себѣ крѣпкій бульонъ изъ мяса, который онъ употребляетъ безъ соли, въ-противоположность Лопарю рыболову; но я видѣлъ, какъ семья Лопаря есть хлѣбъ и масло, соленую рыбу, ланынъ сыръ и проч. По-своему онъ есть очень породично, и это его существенное, впрочемъ единственное, преимущество передъ Лопаремъ-рыболовомъ. Послѣдній стоять выше своего брата, горнаго, какъ въ религіозномъ, такъ и въ иравственномъ отношеніи. Наконецъ, и самый образъ жизни горнаго Лопаря болѣе ликъ и грубъ. Рыболовъ проводить большую часть зимы у себя въ избѣ, тогда-какъ горный Лопарь принужденъ вѣчно бороться со стужею, бурею и непогодою и вообще жить болѣе скотскою жизнью, чѣмъ по-людски. Строенія Лопарей-рыболововъ, конечно, не обличаютъ большихъ успѣховъ въ архитектурѣ; но если уже онъ построилъ себѣ домъ, хлѣбъ для скота, то, значитъ, онъ большими шагами приблизился къ жизни осѣдлой. Но лѣтомъ онъ еще кочуетъ, а зимою иногда меняетъ свое жилище, такъ-что на половину онъ кочевникъ и составляетъ, такимъ-образомъ, посредствующее звено между горнымъ Лопаремъ и постояннымъ поселенцемъ. Лопарь-рыболовъ, действительно, находится въ переходномъ состояніи; но такие переходы весьма

тяжелы: такъ, у Лопарей энарскихъ этотъ переходъ отъ ко-чущей жизни къ осѣдлой навѣль за собою большое экономическое разстройство. Пожелаемъ, чтобы тѣ, у которыхъ въ рукахъ благосостояніе Лапландіи, уразумѣли бы важность и значеніе этого перекода и постарались бы провести энарскихъ Лопарей не на горы, не къ Норвежскимъ Фіордамъ, а къ той цѣли, къ которой они стремятся сами безсознательно, именно къ совершенно осѣдлой жизни.»

Сюда присоединимъ мы не менѣе любопытную характеристику Лопарей, живущихъ въ Русской Лапландіи. Кастренъ просто зоветъ ихъ русскими Лопарями. «Относительно образа жизни русскіе Лопари мало отличаются отъ нашихъ энарскихъ Лопарей. Они кормятся рыбною ловлею и лѣтомъ живутъ при озерахъ, при рѣкахъ и на приморья, въ палаткахъ или рыбачьихъ избахъ. Осеню и позже отправляются они по дамамъ, не столь разсѣяннымъ, какъ у энарскихъ Лопарей, но, по русскому обыкновенію, скученнымъ въ тѣсныя деревни. Уже этотъ самый роль жизни доказываетъ достаточно, что русскіе Лопари далеко не имѣютъ такихъ огромныхъ стадъ оленей, какъ энарскіе Лопари: нето земля скоро бы совсѣмъ лишилась своихъ пастбищъ, и поселяне были бы принуждены безпрерывно перемѣняться свои жилища. Но число ихъ оленей весьма незначительно, и они стольтія могутъ проживать на одномъ мѣстѣ. Есть много причинъ, почему русскіе Лопари отвыкли отъ оленей и почти исключительно предались рыбному промыслу. Прежде всего сама природа ему особенно благоприятствуетъ: Ледовитое Бѣлое море — сущія сокровища для рыбака. Кромѣ-того, въ Русской Лапландіи есть два большія, весьма богатыя рыбью озера Имандрѣ и Нуотозеро и безчисленное множество малыхъ озеръ. Какже не воспользоваться Лопарю этими естественными богатствами и не промѣнять ликой горной жизни на болѣе легкіе промыслы? Русская церковь съ своей стороны весьма много способствовала тому, что Лопари преимущественно предались этому промыслу, потому-что православные почти половину годадерживаются отъ пищи, которую получаетъ Лопарь отъ своихъ стадъ, и, такимъ-образомъ, и по религіозной необходимости, русскій Лопарь обратился къ рыболовству. Впрочемъ, послѣ рыбной ловли содержаніе оленей составляетъ главный

промыселъ русскихъ Лопарей. Они также занимаются и торговлею ; оттого въ каждой избѣ на стѣнѣ , рядомъ съ иконою, виситъ и безмѣнъ. Вообще они одарены сметливостью, но еще слишкомъ бѣлы , чтобы пускаться на большія предпріятія,ѣздить по городамъ и посѣщать армонки. Но уже въ Энарскомъ приходѣ попадаются тамъ-и-самъ Лопари , прибывшіе за какимъ-нибудь торgovымъ дѣломъ изъ той или другой лопарской деревни. Предугадывая будущее , смѣло можно сказать , что русскіе Лопари , со своимъ торговыемъ духомъ , слѣдятъ большиe успѣхи. Скотоводство имъ почти совершенно чуждо ; ни одинъ не имѣеть ин коровы , ни овцы. Невѣроятно , чтобы на скотоводство они обратили большее вниманіе , и потому уже , что сами Русскіе , ихъ наставники , пре-небрегаютъ имъ.»

«Въ бытѣ русскихъ Лопарей замѣчается большое разнобразіе. По большей части зиму они проводятъ въ низкихъ и темныхъ избахъ , весьма похожихъ на избы энарскихъ Лопарей. Главное отличіе , кидающееся всякою въ глаза , состоитъ въ крышѣ плоской въ Русской Лапландіи , а въ Энарѣ приподнятой кверху. Во внутренности же избы разница въ томъ , что вмѣсто кровати у русскихъ Лопарей стоять кругомъ стѣны широкія лавки. На приморья , въ мѣстахъ гористыхъ , безлѣсныхъ русскіе Лопари и зиму проводятъ въ палатахъ , составляемыхъ ими изъ бревенъ или досокъ. Въ серединѣ палатка шире , а у концовъ несравненно уже. Стѣны , однако , не сходятся вмѣстѣ : оба конца завѣшаются узкимъ подотномъ. Крыша плоская , покрывается торфомъ ; полъ не настилается ; по серединѣ палатки ставятъ обыкновенно очагъ. Третій родъ жилищъ составляютъ курные избы , которыя , однако , несравненно хуже и меныше нашихъ финскихъ. Дымное отверстіе забивается кулькомъ , который поднимаютъ кверху длиннымъ шестомъ. Есть еще у нѣкоторыхъ русскихъ Лопарей четвертый родъ жилищъ , именно бѣлыя избы , совершенно такія же , какъ у русскихъ Кареловъ. У Лопарей , живущихъ въ черныхъ или бѣлыхъ избахъ , палатка обращена въ кухню. На тогъ же конецъ употребляются палатки и въ Остботніи — обычай , безъ-сомнѣнія , лопарскій.»

«Одежда почти у всѣхъ Лопарей одинаковая. Ихъ тулуши , сапоги и порты — все бѣлые. У русскихъ Лопарей сапоги и

порты сшиваются вмѣстѣ ; у другихъ же они отдѣлены , но зато такъ плотно прикрѣпляются къ голени , что сиѣгъ совсѣмъ не проходитъ. Норвежскіе и финскіе Лопари въ морозы надѣваютъ на шею медвѣжій воротникъ , закрывающій не только лицо и уши , но и грудь и плечи. У русскихъ Лопарей такого воротника нѣтъ ; но зато ихъ шапки съ наушниками закрываютъ большую часть лица. Такъ Лопарь наряжается преимущественно въ дорогѣ. У мужчинъ и у женщинъ нарядъ почти одинаковый ; разница только въ шапкѣ , которая , по русско-лопарскому обычая , у женщинъ гораздо выше и шире , нежели у мужчинъ. Въ нашей Лапландіи обыкновенная будничная одежда , и мужская , и женская , изъ толстаго холста и очень похожа на обыкновенную рубашку. Русскіе Лопари , кроме многаго другаго , заимствуютъ и русскій нарядъ.»

«Теперь скажемъ нѣсколько словъ объ ихъ внутренней жизни. Въ отношеніи религіозномъ они стоять на весьма низкой степени ; съ духомъ и учениемъ христіанскимъ они мало знакомы. Въ церковь , находящуюся почти въ каждой деревнѣ или погостѣ , идутъ они за тѣмъ , чтобы сдѣлать нѣсколько крестовъ передъ иконою. Вирочемъ , всѣ церковные обряды соблюдаются строго , но и много сохраняютъ суевѣрій ; особенно вѣрятъ они въ колдовство. За свои въ немъ спѣльнія наибольшимъ почетомъ пользуются аккальскіе Лопари. Оия известны и въ Финляндіи , такъ-что къ нимъ ходятъ мужики даже изъ Саволакса за совсѣмъ насчетъ здоровья , о пропажѣ и т. д. Я слышалъ , что при гаданьяхъ своихъ они впадаютъ въ родъ изступленія , во время которого и получаютъ будто бы различныя откровенія. Лопари убѣждены , что на это время душа разлучается съ тѣломъ , блуждаетъ повсюду и развѣдывается ; гдѣ лежитъ украденная вещь , что за причина болѣзни и т. д. Что это изступленіе по большей части обманъ , въ томъ нечего и сомнѣваться. Но оно такъ всеобще у всѣхъ народовъ необразованныхъ , что нельзя сомнѣваться въ его первоначальной лѣгитимности. Этого явленія нельзя относить къ числу тѣхъ явлений , которыхъ объясняютъ животнымъ магнетизмомъ , т.-е. вовсе не объясняютъ. Волшебникъ въ экстазѣ своемъ доволитъ себя до совершенного безсмысля. Въ это время возникаютъ въ немъ , какъ во снѣ , разныя смутныя представлѣнія о томъ , чѣмъ подъ-конецъ занита была его душа. Вотъ эти-то

представленія и стали считать откровеніями, а изступленіе — чѣмъ-то волшебнымъ. Говорятъ, что волшебникъ во всякое время способенъ бывать доходить до такого состоянія, и это полагаю я возможнымъ, на сколько дѣло идеть о волшебникахъ, принадлежащихъ дикимъ народамъ. По-крайности, это явленіе стоять въ связи со многими другими явленіями въ жизни дикихъ народовъ. Я приведу нѣсколько указаний, быть-можетъ, менѣе важныхъ, но умѣстныхъ, такъ-какъ онъ касаются до русскихъ Лопарей. Въ путешествіе мое по Лапландіи мнѣ часто совѣтовали быть осторожиѣ въ обращеніи съ русскими Лопарями, и особенно съ бабами, потому-де, что они часто приходятъ въ совершенное изступленіе и тогда не помнятъ ничего, что дѣлаютъ. Сначала я нисколько не вѣрилъ этимъ разсказамъ, считая ихъ за басни. Но однажды въ Русской Лапландіи, въ одной деревнѣ, сошелся я съ нѣсколькими Карелами и двумя русскими купцами. Одинъ изъ нихъ тоже убѣжалъ меня не раздражать Лопарокъ, утверждая, что нето будетъ *res capitalis*. По этому слушаю одинъ изъ Кареловъ разсказалъ слѣдующее обстоятельство. «Однажды, еще въ самой молодости, ловилъ я рыбу на морѣ и встрѣтилъ одну лодку, — въ ией ѿхади Лопари. Въ лодкѣ была и женщина; она держала на рукахъ маленькаго ребенка. Увидавъ мой необыкновенный нарядъ, она такъ разозлилась, что кинула ребенка въ море. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, былъ я въ одномъ округѣ у терскихъ Лопарей. Сидимъ мы разъ въ избѣ и калакаемъ промежъ себя, какъ вдругъ за стѣною послышался ударъ, какъ будто отъ дубины или отъ молотка. Что же? Мигомъ, всѣ Лопари до одного, пали наземь, сначала нѣсколько барахтались руками и ногами, а потомъ лежали неподвижно, словно мертвые. Спустя нѣсколько времени стали они поворачиваться и подниматься и потомъ держали себя просто, какъ-будто все шло обыкновеннымъ порядкомъ.» Для большаго моего удостовѣренія, одинъ изъ кунцовъ предложилъ мнѣ на дѣлѣ показать нѣсколько примѣровъ изступленной злости Лопарокъ. Прежде убралъ онъ ножи, топоръ и другія опасныя вещи. Потомъ поспѣшилъ подошелъ онъ къ одной бабѣ, всталъ передъ нею и хлопнулъ руками. Тутъ она, точно фурія, кинулась на него, стала его бить, царапать, кусаться. Потомъ повалилась она на скамью, чтобы перевести духъ и

опять пуститься въ драку. Прійдя нѣсколько въ себя, она рѣшилась уже не горячиться. Тутъ она испустила изъ себя страшный, пронзительный крикъ. Въ эту минуту подошелъ къ ней другой купецъ, замахалъ ей въ глаза своимъ платкомъ и тотчасъ же убѣжалъ изъ горницы. Надо было видѣть, что дѣмалось съ нею! она кидалась отъ одного къ другому, кого била руками, кого стукала обѣ стѣну, кого хватала за волосы. Сидя въ углу, въ нетерпѣливомъ страхѣ ложился я своей очерели. Наконецъ съ ужасомъ увидѣлъ, что она впрыла на меня свой дикий взглядъ; потомъ съ распростертыми руками кинулась на меня и уже готова была вѣнчиться въ лицо мое своими когтями, какъ два здоровыхъ Карела схватили ее сзади. Она, въ совершенномъ безсилії, упала къ нимъ на руки. Также разсердили одну лѣвочку, бросивъ ей на голову лущину. Со злости она стала бросаться изъ угла въ уголь. Тогда ударили молоткомъ въ наружную стѣну — лѣвочка вздрогнула, закрыла глаза руками и тотчасъ же пришла въ себя. Эти факты, сколь незначительны они, доказываютъ, однако, что люди грубые легко выходятъ изъ себя и впадаютъ въ совершенное безпамятство; особенно же прилагается это къ волшебникамъ и колдунамъ, которые уже пріучаютъ себя ко всякимъ изступленіямъ и неестественнымъ напряженіямъ своихъ силъ.»

«Возвращаясь къ волшебству русскихъ Лопарей, замѣчу только, что у нихъ не нашелъ я никакихъ заклинаній, какія есть у Финновъ и называются *luut*, *luki* въ единств. ч. Впрочемъ, отмѣтилъ у нихъ нѣсколько древнихъ выраженій и символическихъ обрядовъ. Такъ, въ Русской Лапландіи я видѣлъ, какъ одна баба лечила вывихъ. Она волила пальцами по вывиху, какъ бы хотѣла узнать боливое мѣсто. Наконецъ ей удалось поймать: она сжала его между пальцами и стала кусать зубами и наконецъ выплюнула изъ себя перешедшаго въ нее злого духа. Такъ повторялось нѣсколько разъ; но при этомъ не было никакого заговора: во время этой смѣшной операциіи баба болтала все о самыхъ обычновенныхъ вещахъ. Особенно заняться колдовствомъ русскихъ Лопарей я не могъ, какъ потому, что не достаточно владѣть ихъ языками, чтобы понять таинства магіи, такъ и потому, что не былъ въ тѣхъ краяхъ Лапландіи, где преимущественно оно въ обычаяхъ.»

«Еще нѣсколько словъ о характерѣ русскихъ Лопарей. По характеру всѣ Лопари сходны другъ съ другомъ. Характеръ у нихъ похожъ на ручей, воды котораго текутъ тихо и медленно, такъ-что движеніе ихъ едва уловимо. Встрѣтить ли ручей большую преграду, онъ отклоняется въ сторону, но подъ-конецъ все же достигаетъ своей цѣли. Таковъ и характеръ Лопарей: спокойный, мирный, уклончивый; миръ — его любимое слово; о мирѣ первый у него вопросъ, миръ для него и прощальное слово, миръ для него все. Есть преданіе, что въ Лапландіи все по своей наружности обнажено, жалко и бѣдно, но внутри таится много золота. Едва и есть сокровище лучше того мирнаго покоя, которымъ обладаетъ Лопарь. Лѣшенній лучшихъ всплажденій жизни, посреди скупой природы, въ бѣдности и злополучіи, переноситъ онъ всѣ страданія съ невозмутимымъ спокойствіемъ. Онъ требуетъ только одного, какъ неизбѣжнаго условія своего благосостоянія, чтобы не мѣшали ему пользоваться тѣмъ немногимъ, что онъ имѣеть, чтобы не нарушили его старыхъ обычаевъ и нѣкоторымъ бы образомъ не лишили его покоя, мира. Неблагопріятная природа постоянно побуждаетъ его къ работѣ и дѣятельности; но, между-тѣмъ, онъ охотно предается своей мирной жизни. Онъ не любитъ обширныхъ плановъ, умныхъ расчетовъ и вообще вѣнчаней дѣятельности и предпочитаетъ ей тихое созерцаніе религіозныхъ и другихъ предметовъ, находящихся въ его маленькомъ мірѣ. Уже изъ этого краткаго очерка видно, что финскій типъ отражается въ лопарскомъ народномъ характерѣ. Подобно Лопарю, Финъ по природѣ своей также тихъ, миренъ и переносливъ. Въ мелочахъ онъ легко уступаетъ; въ важныхъ же случаяхъ жизни онъ становится героемъ. Такимъ-образомъ, Лопарь рѣдко воспаменяется къ сильнымъ движеніямъ, и зато легко теряетъ свое спокойствіе духа, которое рѣдко покидаетъ его мужественнаго брата Финна. Внутренняя созерцательность, спокойное размышленіе общи обоимъ, но у Лопаря слабѣе, чѣмъ у Финна. Но и Лопарь имѣеть свою долю въ томъ грустномъ настроеніи, которое составляетъ отличительную черту Финна и финскаго племени вообще; зато та глубокая грусть, снѣдающая сердце, которая доводитъ Финна до высокаго героизма, не знакома Лопарамъ. Грустное настроение Лопаря проявляется въ видѣ вѣнчаной угнетенности. Во-

обще можно сказать, что Лопарь, младшій братъ Финна, наслѣдовалъ больше свойствъ отъ матери, а Финъ — отъ отца. Сказанное нами вообще о характерѣ идетъ также хорошо и къ русскимъ Лопарамъ. Въ деревняхъ, лежащихъ по большой Мурманской дорогѣ, Лопари уже теряютъ мало-малу свой коренной характеръ. Внутреннее довольство собою уступаетъ безсмысленной веселости, спокойное размышленіе — ловкой сметливости, жизнь мирная мѣняется на трудную и хлопотливую. Въ вихѣ напрасно будешь искать той мягкости сердца, того тихаго настроенія духа, которое преимущественно отличаетъ другихъ Лопарей. Торговля и частыя сношенія съ Русскими и Карелами много способствовали къ выходу ихъ изъ естественнаго состоянія невинности. Также природныя коренные свойства Лопаря много потерпѣли отъ смященія жителей съ русскими Карелами. Въ кругу Русскихъ тотчасъ узнаешь молчаливаго, угрюмаго Лопаря; но въ-отношеніи къ другимъ Лопарамъ онъ уже почти Русскій и владѣеть русскимъ языкомъ, какъ своимъ роднымъ. За отсутствиемъ своихъ собственныхъ пѣсенъ, онъ поетъ иногда русскія. По праздникамъ, несмотря ни на какие морозы, игра въ мячъ и другія забавы, заимствованныя имъ отъ Русскихъ, служатъ ему развлечениемъ. Даже въ домашнемъ быту Лопарей замѣчаемъ русскіе нравы и обычаи, не говоря уже о русскомъ нарядѣ. Все, что мы выше сказали о ихъ веселости, хлопотливости, о ихъ торговомъ духѣ и т. д., — все это есть слѣдствіе русскаго влиянія. На основаніи всего вышесказанного можно смѣло утверждать, что русскіе Лопари раньше или позже совершенно сольются съ Русскими, и тѣмъ скорѣе, что они не имѣютъ своей собственной грамоты. Малое число русскихъ Лопарей подтверждаетъ это предположеніе. По свѣдѣніямъ, полученнымъ мною отъ исправника въ Колѣ, все лопарское населеніе въ Россіи простирается до 1,844 душъ.»

Мы съ намѣреніемъ выписали эти слова Кастрена о финской народности. Преувеличеніе тутъ очевидно. Вообще характеристика народностей дѣло весьма трудное: тутъ требуется необыкновенная осторожность въ наблюденіяхъ и выводахъ. Въ такихъ характеристикахъ слабы и доходятъ до ложныхъ преувеличеній ученыe самые первостепенные. Вспомнимъ разсужденія Рогге, Вильды, Як. Гримма о древнихъ Герман-

цахъ, Шафарика, Мацѣевскаго и Палацкаго — о древнихъ Славянахъ. Во всѣхъ ихъ описаніяхъ есть что-то натянутое, болѣе илиллическое, чѣмъ строго ученое. Быть-можетъ, и чувство патріотизма немаловажно тому причиною. Какого бы безпристрастія ни достигъ народъ, онъ никогда не въ-состояніи достичнуть до строгаго логическаго опредѣленія своей собственной народности. Такое опредѣленіе онъ можетъ получить только отъ другихъ народовъ. Они всегда опредѣляютъ другъ друга гораздо лучше. Потому-то никакъ не должно пренебрегать никакимъ мнѣніемъ иностранца о томъ или другомъ народѣ. Надо только умѣть имъ пользоваться: именно брать во вниманіе не только то, что онъ хочетъ сказать, но и то, что сказалось у него неизвестно, какъ бы нѣхотя. Иными словами, всякое мнѣніе иностранца быть извѣстномъ народѣ есть историческое свидѣтельство, фактъ, потому уже, что оно есть частное выраженіе общей мысли, общаго понятія его народа о той или другой народности. Какъ историку представляются факты въ двоякомъ видѣ, въ двоякомъ значеніи или, поестественному, какъ есть, двоякаго рода факты — факты явные и факты тайные, изъ которыхъ послѣдніе особенно важны,—такъ точно и для этнографа наблюденія и мнѣнія иностранцевъ быть изучаемомъ имъ народѣ имѣютъ двоякое значеніе: во-первыхъ, выражаютъ отношенія къ нему чужихъ народностей, потому что народность такая сила, отъ влиянія которой никакое лицо не можетъ избавиться, на весь складъ ума, на всѣ изгибы души кладетъ она неизгладимую печать — это ихъ значеніе прямое, явное — и, во-вторыхъ, важны потому, что со стороны лучше видно, что посторонній наблюдатель легко можетъ уловить отличительныя черты народа, которыя для него самого вовсе такими и не представляются. Изъ этого не слѣдуетъ, однако, что каждое мнѣніе или наблюденіе иностранца о томъ или другомъ народѣ слѣдуетъ принять на вѣру: вѣтъ! въ каждомъ надо доискиваться тайного смысла, и съ этой точки зреянія, въ самомъ злобномъ писателѣ, намѣренно все искажающемъ, можно отыскать много правды, вовсе не лестной для народа, на которого взвѣдены были самыя странныя клеветы. Вотъ тайное значеніе мнѣній и наблюдений иностранцевъ быть извѣстномъ народѣ. Таково ихъ двоякое значеніе. Обращаясь къ русской народности, смѣло можно сказать, что

если бы свести всѣ толки и сужденія иностранцевъ о нась, сравнить и сличить ихъ между собою и исключить только тѣ изъ нихъ, которые своимъ внутреннимъ противорѣчіемъ взаимно уничтожаются, то въ итогѣ мы получили бы такое строго-логическое и истинное опредѣленіе нашей народности, до котораго мы сами никогда не достигнемъ, хотя чувствовать ее возможно намъ однимъ. Потому вѣтъ толка, нѣтъ сужденія иностранца о нашей народности, которымъ умный изслѣдователь рѣшился пренебречь. Всякое мнѣніе становится для него даннымъ, увеличиваетъ его запасъ матеріаловъ, которые надо сообразить, исправляетъ его выводъ и облегчаетъ ему достичженіе искомаго результата — строго-логического опредѣленія народности, что только наукѣ и надо, потому-что ей не принадлежать разысканіе илиллическія описанія и разсужденія о состояніи невинности. Глядя такъ на мнѣнія иностранцевъ, мы съ большимъ удовольствіемъ приведемъ сужденіе Кастрена объ отличительныхъ, по его мнѣнию, свойствахъ русскаго народнаго характера. Разсуждая, въ одномъ мѣстѣ своего сочиненія (стр. 159 и сл.), объ исчезновеніи Финновъ по берегамъ Бѣлаго мора, онъ говоритъ, между-прочимъ, что не Русскіе оттуда ихъ вытѣснили, ниже они сами обрусили, чего быть не могло и потому, что Русскихъ досель немногого на сѣверномъ приморіи. Главная же тому причина та, что издревле населеніе бѣломорскаго берега было незначительно, что онъ и объясняетъ слѣдующимъ образомъ: «Если не ошибаюсь въ характерѣ и склонностяхъ Финновъ, то берега бѣломорскіе не представляютъ собою поприща для ихъ дѣятельности. Земледѣліе и скотоводство, по своему роду занятій, наиболѣе подходятъ къ характеру Финновъ, и, кажется, Провидѣніе послало ихъ на землю для того, чтобы они своимъ упорнымъ и неутомимымъ трудомъ и терпѣніемъ внесли образованность въ пустыни Финляндіи, сѣверной Россіи и Скандинавіи. Финны любить эти занятія, потому-что неизбѣжнымъ условіемъ его благосостоянія имѣть себѣ свой маленький мѣръ въ полномъ своемъ распоряженіи. Потому-то онъ часто мѣняетъ беззаботную жизнь подъ властію посторонняго человѣка на бѣдное жилище въ пустынѣ, думая, что лучше дома «пить воду изъ корзинки», чѣмъ «пиво изъ серебряной кружки». Всѣдствіе такого расположенія къ тихой, спокойной и независимой дѣя-

тельности не могла и основаться большая финская колонія на берегу Бѣлого моря. Его неплодородные, негодные къ воздѣлыванію берега и постоянные холодные вѣтры исключаютъ почти всякую мысль о земледѣліи. Здѣсь человѣку надо заняться морскимъ промысломъ, къ чему потребны шумная, мятежная и беспокойная жизнь, безпрерывное составленіе новыхъ предпріятій, — короче сказать, потребенъ быть, согласный съ русскимъ характеромъ. Въ Кольскомъ уѣздѣ находится 26 русскихъ деревень, и въ нихъ только пять человѣкъ занимаются земледѣліемъ. Скотоводство тоже весьма незначительно. И здѣсь между Русскими господствуетъ благосостояніе, тогда какъ Финнъ обыкновенно является здѣсь въ жалкомъ видѣ нищаго или батрака. Конечно, эти промыслы одинаково доступны обѣимъ сторонамъ; но одарены онѣ неравными способностями, — а вся сила Русского состоитъ въ его умѣ, неистощимомъ на всякаго рода изобрѣтенія, разсчеты и предпріятія. Русскій ненавидитъ этотъ однообразный покой, высшее блажевство Финна. Для Русскаго невыносимо жить подъ кровлею своего дома и считать своимъ собственнымъ міромъ нѣсколько десятина земли. Его страсть всюду рыскать и сносить домой богатство изъ далекихъ краевъ. Такъ, лѣтомъ встрѣчаемъ его въ ладьѣ въ пристави Архангельской или у береговъ норвежскихъ, а зимою — по дорогамъ московскимъ или на рынкѣ нижегородскомъ. Тѣ же, кого недостатокъ средствъ не допускаетъ до большихъ предпріятій, все же не остаются дома, а разѣзжаютъ на своихъ лодкахъ по Бѣлому морю и ловятъ лососей и сельдей, бѣлугу и морскихъ тюленей. Кто хочетъ быть сыгъ зимию, лѣтомъ не можетъ оставаться дома. Онъ долженъ уходить на промыселъ, и если ему удастся пріобрѣсть нѣсколько копеекъ больше, чѣмъ нужно ему и семье его, то зимию пускается онъ на торговыя предпріятія. Таковъ образъ жизни на бѣломорскомъ берегу, и, безспорно, онъ наиболѣе, хотя не исключительно, соотвѣтствуетъ мѣстности. Во всякомъ, однако, случаѣ, русскій человѣкъ съ своею беспокойною дѣятельностью и съ своею умною, расчетливою смѣтливостью, кажется, одинъ и предназначенъ жить въ этомъ краѣ. Быть-можеть, сама природа — общая праматерь — для того и создала людей тѣмъ, чѣмъ они есть; она нашла материалъ, который легко было переработать. Если заключать о

русскомъ народномъ характерѣ по жителямъ Архангельской губерніи, то вѣтъ въ мірѣ народа, который бы обладалъ такою житейскою мудростью, такимъ присутствиемъ духа во всѣхъ обстоятельствахъ жизни, какъ Русскій. Онъ умѣеть употребить въ свою пользу всякую мелочь.»

«Мы имѣли случай испытать на себѣ этотъ практическій смыслъ русскаго народа между Кемью и Кандалакшою. При отѣзданіи изъ Колы потеряли мы свою подорожную, безъ которой нельзя получить почтовыхъ лошадей. Въ такомъ случаѣ намъ нужно было получить свидѣтельство. Едва узнали крестьяне обѣ этомъ, какъ всѣ согласились не пропускать насъ. Въ оправданіе свое говорили они, что всѣ ихъ лошади на полѣ, что и сами они только-что вернулись домой и очень устали, и тому подобное, — все это для того, чтобы заставить насъ дать высокую цѣну. Въ одной ближайшей къ Кеми деревнѣ встрѣтилъ я такое упрямое сопротивленіе, что рѣшился идти назадъ пѣшкомъ въ городъ, чтобы оттуда достать себѣ лошадей. Вѣроятно, изъ страха наказанія, крестьяне запрягли вакопецъ пару дрянныхъ клячъ.»

Обратимся теперь къ тому вопросу, который собственно и подалъ поводъ Кастрену выскажать это мнѣніе. Это вопросъ о финскихъ поселеніяхъ по берегамъ Бѣлого моря. По-случаю прибытія своего въ деревню Манселькѣ, или Маасесидѣ, и по поводу этого названія онъ выскаживаетъ такимъ образомъ свое мнѣніе: «Название это очевидно финское, такъ же, какъ по западнымъ, восточнымъ берегамъ Бѣлого моря есть множество мѣстныхъ названій финскаго происхожденія. Это, казалось, могло бы подтвердить предположеніе Шёгрена о первоначальныхъ поселеніяхъ Карель по всему уѣзду Кольскому до Сѣверного океана включительно. Предположеніе свое Шёгренъ основываетъ не столько на мѣстныхъ названіяхъ, сколько на томъ вліяніи, которое имѣлъ финскій языкъ на русско-лопарскій, и на древнемъ предаваніи о Валитѣ, или Варентѣ, славномъ владѣтелѣ въ Карель или Кексгольмѣ, вассалѣ новгородскомъ, который «завоевалъ Лапландію, или Мурманскую землю», и заселилъ Лопарей платить дань Новгороду. Какую бы цѣну ни придавать этому предаванію, на которое ссылались русскіе послы при переговорахъ о границахъ между

Россію и Данію, все же оно мало говорить въ пользу колонизації Русской Лапландії Карелами.»

«Въ древнѣйшія времена, сколько можно заключать частью изъ ученыхъ преданій, частью изъ свидѣтельствъ письменныхъ, Финны и особенно Карелы часто совершали опустошительные набѣги на Лапландію не для того, чтобы тамъ поселиться на жительство, а только для грабежей. Тутъ иногда происходили отчаянныя битвы, въ которыхъ, естественно Лошари, по собственнымъ рассказамъ, одерживали верхъ. Вѣроятно, одинъ изъ такихъ походовъ и подаль поводъ этому преданію о Варенть. Но въ то же время, какъ то можно заключать частью изъ финскихъ и лопарскихъ преданій, частью изъ историческихъ свѣдѣній, а также и изъ современныхъ отношеній, мирнымъ путемъ переселялись Финны въ Лапландію отдѣльными семьями, гонимые то неурядицею, то неурожаями. Когда же при выборѣ жилищъ посягали они на старинныя права Лошаря, на его лѣсъ, его ловища, то дѣло обыкновенно доходило до схватокъ, почему даже и многія мѣстности въ сѣверной Финляндіи носятъ, по преданіямъ, подобныя прозвища: *Rüttasuri* (боевой, спорный островъ), *Torajärvi* (спорное озеро) и т. д. Когда же завладѣніе не противорѣчило правамъ первоначальныхъ жителей, то Финны поселялись тогда безпрепятственно, хотя, быть-можетъ, Лопари и не безъ зависти глядѣли на ихъ предпріятія. Когда же усилия первыхъ поселенцевъ увѣнчались успѣхомъ, молва объ этомъ привлекала и другихъ жителей, и, такимъ-образомъ, завелась не одна Финская колонія въ Лапландіи. Въ примѣръ укажу на Энаре, Альтевъ, Пульмакъ, Сейда и Карасѣки. Всѣ онѣ, впрочемъ, основаны уже въ позднѣйшее время; но образъ ихъ осиowanія бытъ одинаковыи во всѣ времена. Немного колоній (въ Русской же Лапландіи ни одной нѣть), которыя бы удержали свой языкъ и свою народность, что, кажется, достаточно доказываетъ, что число финскихъ колонистовъ никогда не было значительно, не говоримъ уже: громадно, какъ думаетъ Шѣгренъ, который утверждаетъ, что Карелы вытѣснили Лопарей изъ всей восточной и южной части Колъского уѣзда, овладѣли ихъ землею и потомъ подвинулись даже далѣе къ сѣверу. Въ такомъ бы случаѣ, крѣпкая финская вародность не исчезла бы передъ слабѣющею, лопарскою, которая ниже ея и въ умствен-

номъ отношеніи. Точно также ни на чёмъ не основано и другое предположеніе Шѣгрена о томъ, что будто бы эти Карелы были, съ своей стороны, отодвинуты на югъ Русскими, которые заселили южную часть Кемской Лапландіи. Этой догадкѣ также противорѣчить и слабая колонизація въ Лапландіи. Безспорно, однако, то, что населеніе по рѣкамъ Кеми и Торнео состоитъ изъ смѣси Саволаксовъ, Кареловъ и Лопарей. Саволакская стихія преобладаетъ болѣе на сѣверѣ, въ Кемитрекѣ, Соланкуле, въ Верхнемъ Торнео и Муоніонискѣ. Эту колонизацію можно отчасти объяснить семейными предпріятіями, доказывающими, что предки ихъ переселились сюда въ различные времена, изъ различныхъ краевъ и отъ разныхъ причинъ, чаще отъ беспорядковъ и неурожаевъ. Карельская отрасль господствуетъ въ Рованіемъ, Кеми и въ Нижнемъ Торнео. Время переселенія ихъ неизвѣстно; но мнѣ кажется вѣроятнымъ, что эти поселенцы появились здѣсь мало-по-малу изъ вынѣшняго Кемского округа, сперва утвердившись въ Рованіемъ, откуда уже перешли въ Терволу, Кемь и Нижнее Торнео. Таковъ съ незапамятныхъ временъ обыкновенный торговый путь Кареловъ, быть-можетъ, возобновленный путь ихъ прежнихъ переселеній и набѣговъ. По-крайности, замѣчательно то, что поселенія Кареловъ прекращаются при Рованіемъ. Въ благопріятной, по многимъ отношеніямъ, мѣстности, въ Кемитрекѣ, едва можно отыскать слѣды ихъ, тогда-какъ она бы служила непремѣннымъ ихъ убѣжищемъ въ томъ случаѣ, если бы они были вытѣснены изъ Русской Лапландіи въ Финляндію. Родство жителей Кеми, Торнео и Рованіемъ съ русскими Карелами доказывается многими обстоятельствами. Въ этомъ отношеніи особенно поразительны вѣкоторыя особенности языка, между-прочимъ, личная мѣстоименія *tie*, *sie*, глагольное окончаніе *oitsen* (*öitsen*), окончанія нарѣчій *nia* *sta* (вмѣсто *sii* въ Торнео) и множество отдѣльныхъ словъ, которыя болѣе вигдѣ и не встрѣчаются. Старинный нарядъ тѣхъ и другихъ такъ схожъ съ русскимъ, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ я, съ однимъ знакомымъ, принялъ одного крестьянина изъ моей родины, Терволы, за русского Кареля. То же сходство обнаруживается и въ различныхъ орудіяхъ и домашнихъ вещахъ, напр., въ санихъ, лодкахъ, косахъ, ларяхъ» и т. д.

«Если изъ предъидущихъ замѣчаній очевидна малая вѣро-
ятность предположенія о населеніи южной части Русской Лап-
ландіи исключительно Карелами, то нельзѧ въ то же время и
не замѣтить въ южной части Кольского уѣзда смѣшенія Лопа-
рей съ Карелами. Оно обнаруживается не только въ языкѣ,
но и въ тѣлосложеніи, и въ чертахъ лица, въ нравахъ и обы-
чаяхъ. Такъ, въ Мансельке Лопари очень высокаго роста,
не съ тонкимъ, пискливымъ диксантомъ, какъ обыкновенно у
Лопарей, но съ густымъ басомъ, живутъ отчасти въ кур-
ныхъ, отчасти въ карельскихъ избахъ и столѣтія остаются
на одномъ и томъ же мѣстѣ, что и обычай Лопарей. Рѣчъ
ихъ переполнена карельскими словами и поговорками.»

«Не считаю нужнымъ перечислять множество фенницизмовъ,
слышанныхъ мною въ Мансельке. Вместо этого скажу свое
мнѣніе объ общемъ характерѣ русско-лопарского нарѣчія.
Здѣсь не буду подразумѣвать нарѣчія терского, какъ совер-
шенно мнѣ неизвѣстнаго. Русско-лопарское нарѣчіе, въ отно-
шениі грамматическомъ, не представляетъ такой существенной
разницы отъ остальныхъ лопарскихъ нарѣчій, какъ обыкно-
венно думаютъ. Отчасти оно подходитъ къ горно-лопарскому,
отчасти къ энарскому. Главнымъ его отличиемъ — небольшая
уклоненія въ формахъ, преимущественно же сокращеніе окон-
чаний. Окончательный гласный звукъ уступилъ повсюду рус-
скимъ полувукамъ ъ и ѿ. Обыкновенныя въ другихъ нарѣ-
чіяхъ твердые согласные встрѣчаются здѣсь рѣдко. Въ немъ,
нѣтъ и такого множества видоизмѣненій гласныхъ звуковъ,
какъ въ энарскомъ нарѣчіи. Въ богатствѣ формъ оно далеко
уступаетъ финскому, еще болѣе шведско-лопарскому нарѣчію.
Русские Лопари сами дѣлятъ свой языкъ на три нарѣчія: одно
господствуетъ въ с. Пецинги, Муотка, Патсѣки, Сынель, Нуото-
зеро, Екостровъ, другое — въ с. Семиостровъ, Левозеро, Воро-
нѣскъ, Кильдинъ, Мансельке, а третье — на Терскомъ полуо-
стровѣ между Святымъ Носомъ и Пеноемъ. Не будучи самъ
лично во всѣхъ этихъ мѣстахъ, я ничего не могу сказать о
вѣрности этого дѣленія. Всѣ различныя нарѣчія лопарскія
весьма сходны между собою, если только не принимать во
вниманіе чужія стихіи, которыя каждое изъ нихъ приняло въ
себѣ изъ различныхъ языковъ. Лопари, къ несчастію своему,
вступили въ сношеніе съ чужими народами въ то время, когда

языкъ ихъ былъ въпорѣ самаго раннаго дѣтства, отчего онъ
не только заимствовалъ множество чужихъ словъ, но даже и
грамматика его, во многихъ случаяхъ, образовалась по чужимъ
образцамъ. Это вліяніе съ разныхъ сторонъ и составляетъ
различіе лопарскихъ нарѣчій между собою. Такъ, въ первомъ
изъ упомянутыхъ нарѣчій русско-лопарского языка обнару-
живается не только русское и финское, но и норвежское вліяніе.
Второе, напротивъ, болѣе подвержено карельскому вліянію,
нежели русскому. Въ однѣхъ мѣстахъ сильнѣе стихія русская,
въ другихъ — карельская, особенно же въ Аккальской Лаплан-
діи. Кто захочетъ узнать первоначальный языкъ лопарскій,
долженъ подвергнуть всѣ его нарѣчія внимательному сравне-
нію и всѣ ихъ отличительныя особенности разобрать и раз-
личить, объясняются ли онъ чужимъ вліяніемъ. Такому испы-
танію не было подвергнутъ еще и финскій языкъ.»

«Далѣе Кастренъ опять возвращается къ этому вопросу.
«Дорога отъ Кандалакши до Кеми — говорить онъ — около
262 верстъ, идетъ отчасти по берегамъ, отчасти внутри
страны. Берегъ населенъ Русскими; деревни же, лежащія на
нѣсколько верстъ въ-сторону, населены Карелами. Много
Карель и въ русскихъ деревняхъ; но всѣ они переселились
сюда уже въ недавнее время. Но все-таки множество мѣст-
ныхъ названій и весьма распространенныхъ между жителями
преданій доказываетъ, что русскія деревни, по-крайности,
многія изъ нихъ, прежде населены были Карелами. Преданіе
различаетъ Финновъ, у Русскихъ извѣстныхъ подъ именемъ
Шведовъ, Кареловъ, Кареляковъ и Чухонъ. На юго-западномъ
берегу Бѣлаго моря есть преданія только о Карелахъ; на
южномъ и западномъ берегахъ древними жителями страны,
должно-быть, была и Чудь, которую предавіе обыкновенно
соединяетъ съ Ингриами и Эстами. Не вдаваясь въ подробное
разбирательство этой весьма вѣроятной гипотезы о поселе-
ніяхъ финского племени вплоть до береговъ Бѣлаго моря,
обращусь только къ слѣдующему вопросу: куда же дѣвались
древнѣйшіе жители этого прибрежья? Невѣроятно, чтобы они
были оттѣснены Русскими въ Лапландію и оттуда въ Фин-
ляндію. По всей вѣроятности, а также по кое-какимъ уцѣлѣвшимъ
преданіямъ и по слабости русского населенія въ сѣвер-
ной части Архангельской губерніи, заключить можно, что Рус-

скіе приходили сюда не вооруженою силою, не большими толпами: иѣтъ, ихъ просто привлекли сюда нужда, надежда на удобства жизни и духъ предпріимчивости, или, можетъ-быть, совершенно виѣшнія, случайныя причины побудили нѣсколько семействъ искать здѣсь себѣ жилищъ. Не было почти и мѣста праву сильного, по-крайности, въ тѣ времена, когда единство вѣры и правлевія связывало въ одинъ союзъ и старожиловъ края, и новыхъ поселенцевъ. Съ теченіемъ же времени произошло столкновеніе различныхъ между собою народностей по языку, нравамъ и обычаямъ. Оно кончилось исчезновеніемъ финской народности по берегамъ Бѣлого моря, поскольку способъ этотъ край къ тѣмъ промысламъ, которые приманивали больше Финновъ, чѣмъ Русскихъ. Что Русские поселились въ немъ мирно, приняли въ себя народность финскую, а не искоренили ея, то доказывается и нечистотою русского языка Архангелогородцевъ, наполненнымъ феницизмомъ и финскимъ обличіемъ, безпрерывно попадающимъ подъ русскою шляпою.»

Обратимся теперь къ самоѣдскимъ изслѣдованіямъ нашего путешественника. Такъ представляется онъ понятія Самоѣдовъ о волшебствѣ. «У всѣхъ народовъ — говоритъ Кастренъ — предметы магіи одни и тѣ же; ихъ число соразмѣрно съ количествомъ желаній и потребностей человѣка. Преимущественно же оно занимается: 1) врачеваніями и 2) предсказаніями. У однихъ, какъ, напр., у Финновъ, преобладаютъ первыя, у другихъ же, напр., у Самоѣдовъ — послѣднія. Сообразно со степенью просвѣщенія и воззрѣніями различныхъ народовъ, а также и по-мѣрѣ ихъ дарованій, магія принимаетъ въ нихъ тотъ или другой характеръ: или волшебникъ — богъ, все создающій изъ глубины своего духа, или же онъ призываетъ себѣ на помощь другихъ боговъ. Такъ, финскій волшебникъ всѣмъ одинъ разпоряжается; его самовластіе выражается въ такъ-называемыхъ *zanaat* (волшебныхъ взрѣченіяхъ), а глубокія его свѣдѣнія — въ *synty* (словахъ происхожденія — *Entstehungs-Worten*).»

«По понятіямъ Самоѣдовъ, волшебникъ самъ собою почти ничего не можетъ или очень мало: онъ только истолкователь міра духовъ, и вся сила его состоитъ въ томъ, что онъ можетъ вступать въ общеніе съ духами, такъ-называемыми Тадеб-

ціями, и получать отъ нихъ нужные свѣдѣнія. Подобно самимъ Самоѣдамъ, эти Тадебціі все народъ хитрый и самолюбивый. То ослушиваются они Тадиба, то запутываютъ его ложными изрѣченіями; наѣтъ старыми Тадибами они только подсмѣиваются. Искусство Тадиба требуетъ, такимъ-образомъ, людей молодыхъ, крѣпкихъ. Здоровые и силы необходимы уже потому, что Тадибъ долженъ иногда, по приказанію Тадебціевъ, бить и рѣзать себя ножемъ и другими острыми орудіями. Обычай этотъ уже исчезаетъ; но прежніе Тадибы прокалывали себя копытами, изранивали себя стрѣлами, давали себѣ изрубать въ куски и потомъ снова воскресали. Это рассказываютъ и про доселѣ живущихъ Тадибовъ; а слѣдующій случай докажетъ нѣкоторую основательность этихъ разсказовъ. За нѣсколько передъ тѣмъ мѣсяцевъ сошлились въ одной палатѣ на Тиманской тундрѣ одинъ Русскій и три Самоѣда. Одинъ изъ нихъ былъ посвященъ въ таинства Тадиба. Изъ разныхъ случаевъ товарищи его предполагали, что онъ можетъ совершать чудеса. Во время какого-то обряда, въ изступленіи своемъ, Тадибъ приказывалъ выстрѣлить въ себя изъ ружья. Одинъ изъ Самоѣдовъ послушался приказанія; но пуля не попала, а отскочила отъ него. Другой Самоѣдъ зарядилъ ружье, выстрѣлилъ, но съ такою же неудачею. Русскій въ изумленіи зарядилъ снова ружье и убилъ Самоѣда наповалъ. На Канинскай туврѣ встрѣтилъ я чиновниковъ, посланныхъ на слѣствіе по этому дѣлу. Я не знаю окончанія ихъ слѣствія: мой разсказъ основанъ на общей молвѣ. О старинныхъ Тадибахъ рассказываютъ множество другихъ исторій, известныхъ и Финнамъ. Они летаютъ по воздуху, плаваютъ подъ водою, подымаются до облаковъ, спускаются въ глубь земли и привидятся какою угодно виду.»

«Объ образованіи Тадиба известно мало. Званіе это наследственное: *magns non fit, sed nascitur*. Того же мнѣнія и Финны; но у нихъ волшебникъ долго учится всякимъ заговорамъ и заклинаніямъ и другимъ искусствамъ. Самоѣдъ избавляется отъ всѣхъ этихъ трудовъ. Первый старается развить мудрость, завѣщанную ему отъ отца; послѣдній предоставляетъ это заботамъ Тадебція. Овъ только передаетъ то, что открывается ему Тадебцій, на языкѣ, ему одному понятію. Однако, и у Самоѣдовъ я слышалъ выраженіе: «ходить на ученіе къ Та-

дибу»; но никто не могъ мнѣ сказать, въ чёмъ состоитъ это учение. Одинъ Самоѣдъ съ довѣрчию откровенностию открылся мнѣ. Пятнадцати лѣтъ отданъ онъ былъ на учение къ Тадибу, потому-что изъ рода его вышло много славныхъ шамановъ. Два Тадиба были его учителями. Они завязали ему глаза, дали барабанъ въ руки и велѣли въ него бить. Затѣмъ одинъ Тадибъ ударилъ его по головѣ, другой — въ спину. И чѣмъ же? въ мигъ просвѣтила голова ученика. Миожество Тадебціевъ представилось взорамъ мальчика: они плясали на ногахъ и рукахъ. Онъ пришелъ въ такой ужасъ, что побѣжалъ къ священнику и тотчасъ же крестился. Послѣ того уже онъ никогда не вилалъ Тадебціевъ. Для ясности слѣдуетъ прибавить, что Тадибы предварительно разгорячили его воображеніе разными чудесными рассказами о Тадебціяхъ.»

«Если Тадибъ хорошо посвященъ въ свое искусство, то онъ ходитъ всегда въ особомъ варнаѣ и съ барабаномъ. Барабанъ, смотря по состоянию Тадиба, украшается разными болѣе или менѣе дорогими украшеніями: мѣдными кольцами, оловянными бляхами и т. п. Онъ всегда круглый; но величина его менѣется. Самый большой, какой я только видѣлъ, имѣлъ $\frac{3}{4}$ аршина въ поперечникѣ и $\frac{1}{8}$ аршина въ вышину. Обтянутъ онъ тонкою оленевою кожею. Эта ничтожная вещь для Тадиба имѣеть огромное значеніе. Барабаномъ онъ воспла-меняетъ свой духъ; его рѣзкіе звуки проникаютъ въ мрачный міръ духовъ и пробуждаютъ ихъ отъ постоянного сна. Нарядъ Тадиба и красивъ, и рѣбокъ. Онъ состоить изъ замшевой рубахи, по имени Samburtsja, обшитой краснымъ сукномъ. Всѣ швы обшиты краснымъ сукномъ; изъ него же ластовицы и плечи. Глаза и все лицо закрываетъ онъ платкомъ, потому-что внутреннимъ зрѣніемъ Тадибъ глядитъ въ міръ духовъ. Голова не покрыта; только узкій кусокъ краснаго сукна надѣвается на шею, а другой, такой же, закрываетъ макушку. На груди — желѣзная бляха.»

«Обращаясь за совѣтомъ и помощьюю къ Тадебцію, Тадибъ садится; тутъ прислуживаетъ ему другой Тадибъ, не столь посиященный въ искусство. Дѣло начинается тѣмъ, что старшій Тадибъ начинаетъ бить въ барабанъ и при этомъ поетъ какимъ-то таинственнымъ, печальнымъ напѣвомъ. Другой Тадибъ ему вторитъ, и поютъ они все одно и то же, подобно

пѣвцамъ нашихъ финскихъ рунъ. Каждое слово, каждый слогъ протягиваются до безконечности. Лишь-только послѣ краткаго прелисловія начинается разговоръ съ Тадебціемъ, старшій Тадибъ умолкаетъ и только слегка бьетъ по барабану. Вѣроятно, тогда онъ слушаетъ отвѣты Тадебція. Межъ-тѣмъ, товарищъ продолжаетъ пѣть, на чёмъ остановился старшій. Тадебціемъ, оба Тадиба подымаютъ ликій вой, барабанный бой усиливается, и наконецъ изрѣченіе оракула извѣщается. Я долженъ еще прибавить, что пѣсня Тадиба мало содержитъ въ себѣ словъ и всегда бываетъ импровизацію. Въ пѣсняхъ своихъ Самоѣды обращаются мало вниманія на слова, еще менѣе — на размѣръ стиха. Слово приходитъ само собою, и если не годится въ мелодію, то отбрасываютъ тотъ или другой слогъ или протягиваютъ его, смотря по требованіямъ мелодіи. Когда же Самоѣдъ не поетъ, а говоритъ пѣсню, то всегда придерживается извѣстнаго размѣра, къ которому уже и ухо мое привыкло. Размѣръ этотъ трудно собственно определить.»

«Представлю теперь нѣсколько слушаю чародѣйства Самоѣдовъ. Если, напримѣръ, пронадетъ олень, тогда напѣвъ очень простой. Тадибъ вызываетъ Тадебція и, какъ говорилъ мнѣ одинъ Тадибъ, произноситъ слѣдующія слова: «Придите, придите, духи волшебные! Если не приедете, я самъ приду къ вамъ. Пробудитесь вы, духи волшебные! Я пришелъ къ вамъ — вставайте!» Тадебцій на это: «Что кричать ты, чтобы тревожить нашъ покой?» Тадибъ: «Пришелъ ко мнѣ одинъ Ненецъ (Самоѣдъ — Njenets): онъ сильно мучить меня; прошалъ у него олень. Для того и пришелъ къ вамъ.»

«На этотъ зовъ обыкновенно является одинъ Тадебцій. Когда же является ихъ нѣсколько, то говорятъ все разное, одинъ одно, другой другое, и Тадибъ недоумѣваетъ рѣши-тельно, кого ему слушать. Онъ просить своего услужливаго луха сыскать оленя. «Ищи, ищи хорошенько, чтобы олень не пропалъ совсѣмъ.» Тадебцій, конечно, повинуется. Тадибъ же кричить ему, чтобы онъ все искалъ оленя, пока не найдется. Если Тадебцій ворочается ни съ чѣмъ, онъ снова посыпаетъ его. Не лги — говорить онъ — солжешь, мнѣ плохо будетъ. Надо мною станутъ смыться товарищи. Говори, что ты ви-дѣлъ, говори и хорошее, и дурное. Скажи только слово. Ска-

жешь много (т.-е. неопределенно, непонятно), то инѣй плохо будетъ...» и т. д. Тадебцій указываетъ на мѣсто, гдѣ увидѣть оленя. Тогда Тадибъ идетъ за иимъ на указанное мѣсто; но часто бываетъ, что или олень уѣхитъ оттуда, или другой Тадибъ съ помощью своихъ Тадебціевъ заложить слѣды оленя. Нельзя не предварить читателя, что всякий Тадибъ, передъ заклинаніемъ своихъ духовъ, распрашиваетъ обо всѣхъ обстоятельствахъ пропажи, когда, гдѣ, не подозрѣваетъ ли кого обокрашенный, кто у него сосѣди, кто изъ нихъ ему недругъ? Если онъ не получаетъ въ отвѣтъ нужныхъ подробностей, то обращается къ своему барабаю, распрашиваетъ обо всемъ этомъ Тадебція, потомъ снова обращается къ Самоѣду, и т. д.... пока не достигнетъ извѣстнаго убѣженія въ томъ, какъ дѣло происходило. Это-то убѣженіе онъ и слышитъ въ своемъ изступленіи отъ Тадебція. Быть-можетъ, оно прихолитъ къ нему въ его восторженномъ состояніи, какъ сонъ. Какъ бы то ни было, но Тадибъ вполнѣ вѣритъ, что получаетъ рѣшеніе изъ устъ самого Тадебція. Въ этомъ убѣдило меня, кромѣ спокойныхъ, тихихъ, благоговѣйныхъ разсказовъ Тадиба объ этомъ, и то еще обстоятельство, что гадальщикъ часто признается, что онъ не могъ призвать Тадебція и получить отъ него удовлетворительного отвѣта, что часто бываетъ при такихъ случаяхъ, гдѣ онъ могъ легко сочинить чтоб ему было угодно.»

«Крохѣ этого есть еще другое средство получить свѣдѣніе о пропавшемъ оленѣ. Къ нему и обращаются обыкновенно Самоѣды, не посвященные въ таинства волшебства. Изъ оленевыхъ роговъ образуютъ на землѣ кругъ; въ серединѣ этого круга кладутъ какой-нибудь камешекъ, а на него, крестообразно, какой-нибудь кусокъ желѣза, такъ, что онъ легко можетъ свалиться въ-сторону. Тогда Самоѣдъ начинаетъ ходить кругомъ, пока упадетъ этотъ кусокъ въ ту сторону, гдѣ находится олень, и когда онъ пойдетъ по этому направленію, то олень самъ прибѣжитъ къ нему навстрѣчу. Такимъ же образомъ ищетъ онъ и заблудившихся людей, съ тою только разницей, что тогда кругъ образуется изъ волосъ человѣческихъ.»

Когда же къ помощи Тадиба обращается больной, то гаданіе начинается не въ тотъ же день, а откладывается до «пер-

вой зари». Въ-продолженіе ночи Тадибъ обращается со своими Тадебціями и просить у нихъ помощи и совѣта. Если къ утру больному легче, тогда Тадибъ берется за барабанъ; въ противномъ же случаѣ, надо дожидаться до «седьмой зари». Если же и тутъ больному не лучше, то Тадибъ объявляетъ его неизлечимъ и въ такомъ случаѣ даже и не пробуетъ его лечить. Если же въ определенный срокъ состояніе больнаго измѣнилось къ лучшему, тогда Тадибъ распрашиваетъ его, не знаетъ ли онъ, кѣмъ наслана ему болѣзнь. Если же тотъ не знаетъ, тогда Тадибъ начинаетъ выспрашивать у него, кто его недругъ, и т. д. Когда больной не даетъ удовлетворительныхъ отвѣтовъ, тогда Тадибъ обращается съ запросами къ Тадебцію. Не узнавъ причины, начала болѣзни, Тадибъ ни на что не рѣшается. Можетъ-статься, болѣзнь послана Богомъ; а никакой Тадибъ не пытается безнаказанно всемогущества Божьяго. Если же извѣстно, что болѣзнь произошла отъ дурныхъ людей, тогда Тадибъ умоляетъ Тадебція помочь больному: неизбѣжнымъ слѣдствіемъ этой помощи бываетъ то, что захварываетъ тотъ самый, который наслалъ болѣзнь. Не знаю, можно ли полагаться на увѣреніе Тадибовъ, однако, они увѣряли меня, что при леченіи другихъ средствъ никакихъ они не употребляютъ. Самъ я не нашелъ у нихъ другаго леченія, кромѣ всѣмъ народамъ извѣстнаго горячаго леченія. При этомъ Самоѣды поступаютъ такимъ образомъ: берутъ березовикъ, сушатъ его, потомъ отрѣзываютъ два маленькихъ кусочка, зажигаютъ ихъ и кладутъ на больное мѣсто. Они считаютъ за хороший знакъ, когда эти кусочки отскакиваютъ отъ тѣла: тогда боль отлетаетъ. Изъ этихъ словъ видно, что Тадибы, хотя и ссыпютъ людямъ мудрыми и проницательными, имѣютъ, однако, весьма ограниченныя свѣдѣнія. Зато у нихъ есть Тадебціи, эти услужливые духи; но и они не полновластны, а повинуются Нуму, или Илибсамбаэрте (*Jilimbeambaertje*, *Jilenbartje*), какъ Самоѣды называютъ своего бога. Это локализуется, между-прочимъ, и одна пѣснь, въ которой одинъ Тадибъ отсылаетъ своего Тадебція къ Нуmu, чтобы просить о помощи больному. Тадибъ обращается къ Тадебцію со слѣдующими словами: «Не покинь больнаго, иди на небо, иди къ Илибсамбаэртѣ и проси у него помощи». Тадебцій повинуется приказанію, по возвращается назадъ, го-

воря: «Илибеамбаэрте ни слова не говорить, не подаеть помощи». Тогда Талибъ умоляетъ самого Тадебція пособить ему; но тотъ отвѣчаетъ: «Какъ миъ пособить? Я еще меньше Нума: я не могу помочь». Тадебцій продолжаетъ его упрашиватъ, чтобы онъ поднялся наверхъ и настаивалъ бы у Нума о помощи и о спасеніи. Тадебцій, съ своей стороны, зоветъ Талиба туда. «Но онъ слишкомъ далекъ отъ меня. Если бы я могъ къ нему прибѣдѣться, то не просилъ бы тебя, во самъ бы пошелъ къ нему. Стуйай ты къ нему.» Тадебцій наконецъ повинуется и говоритъ: «Для тебя я пойду; но меня все бранитъ Илимбеамбаэрте и все твердятъ, что миъ ни слова не скажетъ...» и т. д.

«Въ связи съ этимъ я — говоритъ Кеэтренъ — передамъ вѣсколько замѣчаний о языческомъ богоученіи Самоѣдовъ. Объ этомъ Нумъ Самоѣды говорятъ почти то же самое, что известно изъ финскихъ пѣсенъ объ Укко. Нумъ возсѣаетъ на воздухѣ и посыпаетъ оттуда громъ и молнию, ложь и сѣть, вѣдро и бури. Его часто смишиваютъ съ видимымъ небомъ, которое тоже зовется Нумомъ. Звѣзды считаются частями Нума и потому называются *Nutgu*, т.-е. принадлежащее къ Нуму. Радуга — край плаща Нума, какъ то видно изъ ея названія — *Nutvana*. Солнце тоже называется Нумомъ, или Илимбеамбаэрте. При наступленіи дня выходитъ Самоѣдъ изъ своей палатки, а при закатѣ солнца читаетъ такую молитву: «Если ты, Илимбеамбаэрте, уходишь, то я пойду.» Отъ нѣкоторыхъ Самоѣдовъ я слышалъ, что и земля, и море, и вся природа — Нумъ. Другіе же, вѣроятно, подъ влияніемъ христіанства, обыкновенно почитаютъ его творцомъ міра и твердо уѣждены, что онъ самый и есть міроправитель, что онъ даруетъ человѣку и счастіе, и благо, и оленей, и лисицъ, и всякаго рода богатство. Нумъ же хранить оленей отъ дикихъ зѣбреевъ, почему и называется Илимбеамбаэрте, т.-е. стражъ скота. Нумъ все знаетъ и видитъ, что ни лѣается на землѣ, и, видя человѣка добродѣтельного, во всемъ дарить ему удачу, даетъ ему оленей и счастливый ловъ, долголѣтнюю жизнь и т. д. Если же люди согрѣшаютъ, то онъ ввергаетъ ихъ въ нищету и напасти и посыпаетъ имъ преждевременную смерть. Не имѣя яснаго представленія о жизни будущей, Самоѣды вообще думаютъ,

что **возмездіе** безусловно существуетъ въ жизни настоящей. Эта вѣра воспитываетъ въ нихъ безграничное отвращеніе къ грѣхамъ (*haebea*) и злодѣяніямъ, особенно къ убийству, воровству, клятвопреступленію, къ прелюбодѣянію. Хотя сами они употребляютъ вино, но пьянство считаютъ грѣхомъ. Что касается до отдельныхъ наказаній, которыми посыпаетъ Нумъ грѣшиковъ, то я слышалъ, что убийство и клятвопреступление наказываются смертію, воровство — бѣдностью, нецѣломудріе — несчастными родами», и т. д.

«Кромѣ Нума, Самоѣды почитаютъ также и своихъ домашнихъ боговъ, фетишъ, или такъ—называемыхъ *Xaevъ* (*Hahe*), открываютъ имъ свои желанія и труды, обращаются къ нимъ за помощью во всѣхъ своихъ предпріятіяхъ и особенно въ охотѣ. Хаи и Тадебціи, сходныя между собою, Нуму подчиненные божества; между ними существуетъ только та разница, что Тадебціи — существа духовныя, видимыя только изощренному взору Талиба, тогда-какъ одаренные тѣломъ Хаи могутъ быть вопрошаемы и испосвящеными въ таинства волшебства. Эти Хаи бываютъ двухъ родовъ: или естественные, или искусственные. Къ первымъ привадлежать или необыкновенные камни, деревья и другіе предметы природы. Наткнется Самоѣдъ на подобную рѣдкость, которая, по его богословскимъ понятіямъ, годится въ боги, онъ окутываетъ ее разными пестрыми повязками и платками и таскается нею всюду, куда ни отправится. Язычники-Самоѣды имѣютъ и особыя сани, подъ названіемъ *Hahen gal*. Въ нихъ прячутъ они своихъ домашнихъ боговъ и берутъ ихъ съ собою въ дорогу. Если божественный предметъ такой величины, что въ сани не уложится, то его чутъ, какъ общее народное божество. Такихъ народныхъ боговъ много на островѣ Вайгачѣ. Они все состоятъ изъ скаль и каменьевъ. (*) Главный изъ нихъ находится посереди острова и называется *ja jieru Hahe*, т.-е. Хай, хозяинъ земли. Кумиръ этотъ изъ камня и стоитъ при пронасти. Говорять, что здѣсь камня этого прежде никогда и не было, и никто не знаетъ, откуда

(*) Иславинъ кладетъ число этихъ кумировъ до 20, кроме которыхъ былъ никогда одинъ изъ дерева, который сожгли миссионеры въ 1827 году.

явился огнь. По виду онъ похожъ на человѣка, съ исключениемъ головы, гдѣ у камня остріе. По этому образцу, говорятъ преданіе, составили Самоѣды изъ дерева большия или меньшия кумиры, которыхъ называются они *Sjadaei*, потому что у нихъ видъ человѣческій (*sja'*). То по большей части божества мужскія или женскія одѣты въ обыкновенный самоѣдскій нарядъ, украшены разными поясами, повязками и всѣкими блестящими бездѣлушкиами. Но встрѣчаешь также и совершенно нагихъ Сялеевъ, на мѣстахъ охоты Самоѣдовъ, съ лицомъ, обращеннымъ на западъ.»

«За недостаткомъ дерева, Самоѣды дѣлаютъ себѣ фетишъ изъ земли и снѣгу, которые, подобно всѣмъ фетишамъ, носятъ общее имя Хаевъ. Кумиры эти, и особенно снѣжные, естественно годны только на короткое время, иа извѣстный случай, — напримѣръ, при совершенніи присяги. Къ этому религіозному обряду часто прибѣгаютъ Самоѣды-язычники. Обокрадутъ ли Самоѣда и подозрѣніе падетъ на кого-нибудь, сей-часъ прибѣгаютъ къ присягѣ: дѣлаютъ истукана изъ камня, дерева, земли или снѣгу, потомъ убиваютъ собаку, разбиваютъ истуканъ и обращаются къ заподозрѣнному въ воровствѣ со слѣдующими словами: «Если ты укралъ, то падешь, какъ эта собака.» Обрядъ этотъ пользуется такимъ почтеніемъ у Самоѣдовъ, что преступникъ никогда не рѣшился къ нему приступить, но скорѣе признается въ преступленіи. Вместо Хая при присягахъ употребляютъ и медвѣжью голову, которую разрѣзываютъ на куски. Такая присяга считается самою сильной; ибо въ представлѣніяхъ Самоѣда медвѣдь то же могуче божество, еще могучѣ Хая. По словамъ Самоѣдовъ, присяга чаще всего употребляется при кражѣ, но бываетъ и въ другихъ случаяхъ, и необращеннымъ Самоѣдамъ дозволено въ русскихъ судахъ давать присягу по своимъ обрядамъ.»

«Въ тѣхъ случаяхъ, когда умоляютъ Хая или Сиден о помощи, всегда бываютъ необходимы жертвы. Если просить о счастливой охотѣ, то всякий можетъ приносить жертву; при болѣе же важныхъ обстоятельствахъ долженъ Тадибъ совершать жертвоприношеніе. Обряды эти болѣе или менѣе измѣняются, смотря по Тадибамъ и по мѣстностямъ. Въ разныхъ мѣстахъ мнѣ рассказывали, что Тадибъ, устроивъ на землѣ

Хая, втыкаетъ въ землю передъ истуканомъ прутъ, иаклонно, и повязываетъ на его верхушку красную тесьму. Потомъ становится Тадибъ за прутомъ лицомъ къ кумиру, начинаетъ бить въ свой барабанъ и пѣть Хаю пѣсню, выражая въ ней свои прошенія. Когда, черезъ извѣстное время, тесьма начнется подвигаться на пруть (послѣ скрытыхъ дѣйствій Тадиба), то это означаетъ, что Хай начинаетъ говорить Тадибу. Его рѣчи Тадибъ истолковываетъ просителю, и содержавіе ихъ обыкновенно состоить въ томъ, что Хай обѣщаетъ исполнить всѣ желанія, только подъ тѣмъ условіемъ, что получитъ въ жертву олена, теленка и т. д. Нерѣдко случается, что проситель начинаетъ торговаться съ богомъ и просить его взять самца оленя, самку вместо самки, лошаго и т. д., или же упрашиваетъ объ отсрочкѣ жертвоприношенія, чтѣ, смотря по дѣлу, божество отказываетъ или позволяетъ. При жертвоприношеніяхъ женщины не могутъ присутствовать. Передъ божество приводятъ оленя; тутъ его закалываютъ Тадибъ. Голову, рога и кожу вѣшаютъ обыкновенно на дерево передъ Хаемъ; лицо его Тадибъ орошаетъ кровью и жаритъ немного жира на огнѣ. Въ этомъ и состоить угощеніе божества; все же остальное съѣдастъ самъ Тадибъ, вмѣстѣ съ присутствующими при жертвѣ. Здѣсь всегда строго соблюдается, чтобы не пролить на одежду ни капли крови: то большой грѣхъ и приносить несчастіе.» Приведемъ еще слѣдующее любопытное мѣсто, хорошо знакомящее съ религіозными воззрѣніями Самоѣдовъ. Нашъ путешественникъ проплылъ, при попутномъ вѣтрѣ, по р. Хирмору около 40 верстъ до Коси, притока Іузы, и оттуда около 50 верстъ до рѣки Хусмора, или Рѣгей. Здѣсь присталь онъ къ берегу и тутъ же повстрѣчалъ одну Самоѣдку, которая передала ему множество занимательныхъ подробностей. Нельзя по-истинѣ не удивляться тому ловкому такту и умѣнию, съ которыми этотъ даровитый ученый добывалъ себѣ у народа самыя любопытныя свѣдѣнія. Сочетаніе-то этого умѣнья съ токкою наблюдательностью и глубокими познаніями, пріобрѣтаемыми только усидчивымъ кабинетнымъ трудомъ, и составляетъ, кажется, главное отличие Кастренса, какъ ученаго. Въ этомъ отношеніи его всегда можно поставить образцомъ для всякаго этнографа, который часто остается одностороннимъ и въ изысканіяхъ,

и выводахъ своихъ, если при большомъ запасѣ своихъ личныхъ наблюдений надъ извѣстною народностью не имѣть такого же запаса свѣдѣній обо всѣмъ томъ, что сказали о ней другіе наблюдатели, а также и того, что говорить о ней исторія (если она имѣется). Другими словами, предметъ изучаемый будетъ всегда казаться только съ одной стороны, и понятія этнографа будутъ узкими и ограниченными въ обоихъ случаяхъ—отдастся ли онъ одному опыту и положится только на свое зрѣніе, а ученостью книжною пренебрежетъ, и обратно. Но, кромѣ этого рѣдкаго сочетанія, Кастренъ обладалъ и другою способностью — живо воспроизводить предметы своихъ тонкихъ, мѣткихъ наблюдений. Да, въ немъ жиль даръ творчества, признакъ натуры даровитыхъ людей, и, припомнивъ огромныя изѣнанія и энергическую дѣятельность, нельзя не сожалѣть о его ранней кончинѣ: все обѣщало въ немъ ученаго въ высшей степени замѣчательнаго.... Вернемся къ той Самоѣдкѣ, къ которой Кастренъ обратился за распросами тотчасъ же, несмотря на то, что самъ усталъ донельзя и промокъ до костей.

«Я естественно постарался усвоить ея свѣдѣнія въ волшебствѣ. Вообще отъ Самоѣда не легко получить какой бы то ни было удовлетворительный отвѣтъ, кромѣ краткаго *je ka* (не знаю); теперь же мнѣ не стоило никакого труда исчерпать весь запасъ свѣдѣній старухи. Многое изъ него уже сообщено было выше. Прежде же всего отмѣчу разсказъ старухи объ Уріерѣ, самоѣдскомъ шаманѣ, о которомъ вообще говорять, что онъ живымъ былъ взятъ на небо. Разсказать этотъ былъ переданъ старухою почти въ слѣдующихъ словахъ:

«Въ-старину жилъ на землѣ одинъ Тадибъ, по имени Уріеръ. То былъ Тадибъ изъ Тадибовъ, мудрецъ изъ мудрѣшихъ, врачъ изъ врачей, прорицатель изъ прорицателей; то былъ человѣкъ, какого въ наше время и не видалъ свѣтъ. Надо ли было открыть пропажу оленя ли, или какого сокровища, получить ли здоровье, или счастье и богатство, стоило только обратиться къ Тадибу Уріеру за совѣтомъ. Уріеръ имѣлъ болыпія стала, много прошелъ земель, много видѣлъ людей, наконецъ утомился тягостями земной жизни. «Здѣсь—говорилъ онъ — хозяйство все хуже становится, мохъ съ го-дами пронаѣдаетъ, воровство случается чаще, ложь и не-

правда инождется въ людяхъ. Не хочу я дольше жить на этой бѣдной землѣ, пошути и лучшаго жилища на небѣ.» И всѣль онъ обѣими женамъ своимъ одѣться въ новыя платья, для олени приготовилъ новую збрую, все новое, чтобы ничего не было старого, поношенаго. Когда все было готово, Уріеръ сѣлъ въ сани, запряженныя въ четыре оленя, и поѣхалъ по воздуху. За нимъ послѣдовали его жены, каждая въ особыхъ саняхъ. Доѣхавъ до половины дороги, стали олени Уріера опускаться внизъ. Тутъ онъ догадался и спросилъ своихъ женъ, все ли они исполнили, какъ онъ приказалъ, все ли у нихъ, и одежда, и упряжь, новое, не надѣянное, не поношенное. Тутъ вторая жена Уріера покаялась и сказала, что у нея одинъ узелокъ уже одѣванный, старый. Тутъ и стала она со слезами упрашивать его отпустить ее на землю, где остались у нея два сына. «Лучше мнѣ жить на землѣ въ пещерахъ, да съ своими дѣтьми, чѣмъ на небѣ радоваться безъ дѣтей». Послушался Уріеръ и отпустилъ жену на землю, самъ же съ первою женою отправился на небо и нашелъ тамъ все, что только человѣкъ пожелать можетъ: крѣпкихъ оленей, мохъ, личь всякую и проч. (*)

«Замѣчательно, что и понынѣ Самоѣды вѣрятъ въ эти небесные путешествія. Случится ли, что злодѣй какой или клятвопреступникъ пропадетъ въ пустынныхъ тундрахъ, знать его медведь сѣль; если же та же судьба постигнетъ человѣка честнаго, то рѣшительно говорить, что онъ, подобно Уріеру, отправился на небо.

«Безсмертіе—важное преимущество Тадибовъ передъ людьми обыкновенными, ибо Самоѣды живутъ съ мрачнымъ убѣждѣніемъ, что смертью кончается все существованіе человѣка. Но, кажется, они принимаютъ, что человѣкъ живеть еще иѣкоторое время въ могилѣ: такъ, они привосятъ на могилу топорь, ножъ, деньги и разныя вещи, а время-отъ-времени даже убиваютъ на могилѣ оленя; когда же спѣтъ трупъ, то ду-

(*) Есть варіантъ этого разсказа, по которому обѣ жены съ дѣтьми своимъ отправились за Уріеромъ на небо. Нѣсколько времени спустя одинъ изъ его сыновей вернулся на землю и рассказалъ Самоѣдамъ о чудесахъ небесныхъ, о тамошнемъ множествѣ оленей и пастишахъ и проч.

маютъ, съ человѣкомъ все кончено. Только Тадибы наслаждаются бессмертіемъ; а по смерти своей они превращаются въ такъ-называемые Итармы, которые, по исему, чтѣ я моѣ собрать, и есть Тадебціи кавинскихъ тундръ. Про нихъ говорятъ, что они или лежатъ себѣ спокойно въ могилахъ, или блуждаютъ по землѣ и творять добро или зло, смотря по характеру. Впрочемъ, къ Итармамъ Самоѣды чувствуютъ особенный страхъ и потому не любятъ много про нихъ говорить.»

«Разсказы старухи меня утѣшили — продолжаетъ Кастренъ — и я спокойно выносилъ страшный ливень; а Мельномена изрѣдка обращалась къ зеленой фляжкѣ для подкрепленія духа. Наконецъ она угомонилась и заснула. Оставивъ ее своей судьбѣ, полезъ я въ свой балаганъ, покрылся оленевой шубой и легъ на свое каменное ложе. На слѣдующее утро (22 сент.) подулъ попутный вѣтеръ: скоро нагнали онъ тучи, которая и подарили наше сильнымъ лождемъ. Воздухъ былъ сырой, и земля покрылась туманомъ. Сквозь туманъ этотъ я глядѣлъ на далекія болота, гдѣ изрѣдка видѣлись то погнутая сосна, то пожелтѣлая береза; потомъ замѣтилъ медвѣдя, его встревожили крики гребцовъ, и онъ бѣжалъ вдоль по берегу, а далѣе хищнаго орла, который искалъ себѣ добычи. Особенно не занимаясь ни тѣмъ, ни другимъ предметомъ, я съ удовольствіемъ смотрѣлъ, какъ веселись мы на парусахъ, минуя одну бухту за другою. Когда же стемнѣло, увидѣли мы не вдалекѣ множество огней, зажженныхъ на берегу ижемскими мужиками, которые лѣзали тутъ привалъ со своими стадами. Мы присоединились къ нимъ и рѣшились устроить родъ ужина или обѣда на пустынномъ берегу Іузы. Все общество помѣстилось въ нашемъ просторномъ каюкѣ вокругъ бочки, служившей намъ вмѣсто стола. За чаемъ Зыряне сидѣли молча, мрачными; но когда очередь дошла до коньяка, куда лѣвалась зырянская флегма. Я воспользовался случаемъ и завелъ рѣчь о состояніи Самоѣдовъ и объ ихъ отношеніяхъ къ колонистамъ на тундрахъ. Вопросъ былъ щекотливый, потому-что Самоѣды обвиняютъ чужихъ колонистовъ, а также и Зырянъ, въ разныхъ несправедливостяхъ. Они говорятъ, что, вслѣдствіе сознательныхъ притесненій колонистовъ, они доведены до настоящаго жалкаго по-

ложенія. Зыряне же, съ своей стороны, считаютъ себя благотелыми Самоѣдовъ и стараются оправдывать свои поступки. Я постараюсь въ-точности передать ихъ оправданія. Старшій изъ Зырянъ, который былъ церковнымъ старостою, говорилъ про это почти слѣдующими словами:

«Я во всемъ уповаю на Бога и вѣрю, что безъ его святой воли ничего на свѣтѣ не бываетъ. Извѣстно, что Зыряне овладѣли большимъ количествомъ самоѣдскихъ оленей, и это случилось не безъ промысла Божьяго. Правда, лукавый во все вмѣшивается, вмѣшался и сюда; но все-таки Богъ править міромъ и всегда будетъ имъ мудро распоряжаться. Ты (*) человѣкъ чужой, вѣры татарской и не знакомъ съ истиннымъ закономъ, и потому слушай, я докажу тебѣ примѣромъ, какъ Богъ, съ начала міра, все злое, что ни надѣляетъ лукавый, все направляетъ къ лучшему. Написано, что Богъ въ-шесть первыхъ дней сотворилъ небо и землю, солнце, мѣсяцъ и звѣзды, человѣка, траву, звѣрей и проч. Дьяволъ всячески старался испортить творенія Божія: онъ погубилъ человѣка, отравилъ множество растеній, произвелъ на свѣтъ змѣй и другихъ вредныхъ животныхъ; изъ рыбъ же произвелъ онъ на свѣтъ щуку и налима. Когда ангелы узнали объ этомъ, то поймали ихъ и принесли къ Богу и спросили у него, что съ ними дѣлать. Богъ посмотрѣлъ на рыбъ, замѣтилъ крестъ у нихъ на головѣ, благословилъ ихъ, и теперь онѣ хороши и полезны человѣку. Такъ, что Богъ благословилъ, того человѣкъ не долженъ хулигъ, если даже и зло примѣшается. Коли ты спросишь, на что Богъ даровалъ намъ, Зырянамъ, оленей самоѣдскихъ, на это скажу тебѣ вотъ что: прежде, чѣмъ переселенцы появились на тундрахъ, Самоѣды все жили въ грубомъ язычествѣ. Люди эти приносили жертвы всякимъ деревьямъ, а солнце благодати скрывалось отъ нихъ во мракѣ. О дѣлахъ Божихъ не знали они ничего, словно псы какіе. Такими же невѣждами были они, и въ промыслахъ и въ домашнемъ быту. Не знали они ничего ни объ огнивѣ, ни о сѣтяхъ, ни о всякихъ снастяхъ для рыбной ловли, не умѣлиходить за оленями, ничего не смыслили въ хозяйствѣ. Для того Богъ и послалъ Русскихъ и Зырянъ на тундры, чтобы они научили ихъ

(*) Рѣчь была обращена къ Кастрену.

житъ по-Божескому, по-людскому. Ему угодно было передать оленей самоѣдскихъ въ наши руки, и чтобы Самоѣды переходили въ нашу вѣру. Теперь они наши слуги, работники, и если хорошо прослужатъ времена своего ученія и станутъ истинными, православными христіанами, то, конечно, Богъ ихъ не оставитъ безъ милости, ибо онъ привыкаетъ всякаго, кто ему вѣряется.»

«Другой Зырянинъ говорилъ такъ: «Всякіе бываютъ люди и между христіанами, и между язычниками. Такъ, у Самоѣдовъ есть много хорошихъ и честныхъ людей, а у Зырянъ — много негодяевъ и подлецовъ. Много такихъ Зырянъ пляются по тундрѣ. Они идутъ въ мѣста пустынныя, гдѣ ихъ злодѣйства остаются безнаказанными. Но спрашивается, кому они больше вредятъ — Самоѣдамъ лв., или Зырянамъ? Теперь мы, безъ-сомнѣнія, терпимъ больше. Жалобы Самоѣдовъ — слѣды прежнихъ страданій. Теперь отъ нихъ немного возмешь, въ всякий воръ идетъ къ нашимъ стадамъ. Такъ, у насъ всѣхъ, кто здѣсь на-лице, ежегодно пропадаетъ порядочное число оленей: иногда украдутъ Самоѣды, но чаще всего наши же земляки. Мы не защищаемъ такихъ людей, но сами рады поймать ихъ и выдать начальству. Когда ихъ прогонятъ съ тундрѣ, то несогласія и распри Самоѣдовъ съ Зырянами прекратятся сами собою. Тогда и Самоѣды увидятъ, что мы приносимъ имъ большую пользу.»

«Третій говорилъ: «Завладѣть оленями самоѣдскими, мы принесли пользу kraю. Въ рукахъ Самоѣдовъ олени были имущество почти бесполезное, потому-что они хозяйствна во-все не знаютъ. Кто побогаче, тотъ все время валяется у себя въ шалашѣ и кормить своихъ бѣдныхъ родныхъ, которые живутъ съ нимъ, пока не раззорять его и не доведутъ дотого, что онъ долженъ будеть жить, въ свою очередь, на чужой счетъ. У этого народа нѣть никакой склонности къ добыванію себѣ хлѣба; мы же своими стадами даемъ пропитаніе нѣсколькимъ сотнямъ Зырянъ и Самоѣдовъ. Мы употребляемъ ихъ для выѣлѣки кожи, для постройки изъ неи одежды и для продажи ся, для ухода за стадами, для рыбной ловли, для охоты. На оленяхъ добываемъ мы себѣ изъ Сибири медъ, рыбу и разные мелочныя товары. Мы ходимъ по ярмаркамъ, продаемъ тамъ оленью кожу, волосъ и проч. Одно слово, мы умѣемъ

пользоваться оленями въ поддерживаемъ иии нашу жизнь въ этомъ дикомъ kraѣ.»

Такъ, всѣ мнѣнія, которыя слышалъ Кастренъ въ этомъ со-браниі, склонились въ томъ, что 1) Зыряне и вообще переселенцы много принесли уже пользы Самоѣдамъ и до сихъ порь имъ полезны; 2) Самоѣды ничего отъ нихъ не терпятъ, а еще за-рабатываютъ себѣ отъ нихъ деньги; 3) Зыряне только стадами могутъ содержать себя въ этихъ исплодородныхъ мѣстахъ. Спросимъ же самихъ Самоѣдовъ, и они скажутъ намъ, что есть и между переселенцами люди добрые, которые, дѣйствительно, приносятъ имъ пользу; но вообще они сильно ожесточены противъ нихъ, упрекаютъ ихъ въ томъ, что всякими неправдами и обманами отиали у нихъ ихъ оленей, а ихъ самихъ и дѣтей ихъ обратили въ работники, что они безпрестанно затрудняютъ ихъ житье-бытье на тундрахъ, своими многочисленными стадами истощаютъ весь мохъ, мѣшаютъ охотѣ ихъ, обманываютъ ихъ въ торговлѣ, крадутъ ихъ стада и проч. Потому-то всѣ Самоѣды сильно желаютъ, чтобы переселенцы были прогнаны съ тундрѣ, или, по-крайности, были бы ограничены извѣстными предѣлами, а не распоряжались бы иль странѣ Самоѣдовъ, какъ полные хозяева.

Истомленный тягостями пути, слабый здоровьемъ, прибылъ Кастренъ въ Обдорскъ. «Я чувствовалъ—говорить онъ—себя счастливымъ, я былъ въ восторгѣ, что наконецъ нахожусь на священной почѣ матери Азіи, что дышу тѣмъ воздухомъ, который вдохнуль первыя искры жизни въ грудь отцовъ нашихъ и понынѣ поддерживаетъ существование многихъ нашихъ жалкихъ братій. Они посланы судьбою частью на холодныя вершины Урала, частью къ болѣе холоднымъ еще берегамъ Ледовитаго моря, и духъ ихъ закованъ иль цѣпи, болѣе тяжкія, чѣмъ ледъ, сковавшій природу въ настоящемъ ихъ отечествѣ. Цѣпи эти—грубость, невѣжество и дикость. Правда, при этой грубости они одарены множествомъ прекрасныхъ, милыхъ качествъ души, такъ-что ясный инстинктъ, иевинность души и сердечная лоброта этихъ такъ-называемыхъ дѣтей природы могутъ пристыдить всю европейскую мудрость; но во времена своихъ странствованій по пустынамъ, при многихъ прекрасныхъ и благородныхъ качествахъ, столько ви-дѣль и у нихъ отвратительного и столько животной грубости,

что стала наконецъ больше сожалѣть о нихъ, чѣмъ любить. Этотъ опытъ, однако, не уменьшилъ моего радостнаго чувства, когда наконецъ прибыль въ страну моихъ мечтаній, очутился посреди того племени, которое болѣе или менѣе близко ведетъ свое происхожденіе отъ Калевалы. Съ цѣлью какъ можно ближе ознакомиться съ этимъ племенемъ, прибыль я въ Обдорскъ, самую сѣверную колонію Западной Сибири, недалеко отъ впаденія Оби въ Ледовитое море. Нынѣ Обдорскъ не пользуется вовсе никакимъ почетомъ; но нѣкогда онъ былъ значительнѣе, и имя его даже вошло въ титулъ царскій. Слово это, по-крайней-мѣрѣ, на половину зырянское и означаетъ «Устье Оби» (*Обь въ dor* — край). Вѣроятно, Зыране основали это небольшое поселеніе; название его происходитъ изъ ихъ языка; известно, по-крайней-мѣрѣ исторически, что еще въ отдаленныя времена они Ѵздили по дѣламъ торговымъ въ Обдорскъ. Позже стали посѣщать его и Русскіе изъ Тобольска и Березова; они построили себѣ здѣсь небольшія хижини, проживали въ нихъ время-отъ-времени. Но вскорѣ тягости дороги принудили ихъ завести здѣсь постоянныя жилища. Русскія поселенія начались една ли раньше столѣтія назадъ; большая же часть переселенцевъ, перешла сюда въ послѣднія тридцать лѣтъ и проживаетъ здѣсь съ видами, которые возобновляются каждый годъ. Слабое населеніе колоніи усиливается еще ссылыми. Тутъ встречаются и Полякъ, и Калмыкъ, и Киргизъ. Много здѣсь и торгующихъ Татаръ и Зырянъ. Настоящіе же жители края — Остяки и Самоѣды. Множество остяцкихъ семей жило въ своихъ юртахъ вокругъ деревни, и въ окрестностяхъ должно быть еще множество кочующихъ Остяковъ и Самоѣдовъ.

«Обдорскъ былъ настоящимъ мѣстомъ моей дѣятельности — говорить Кастренъ — онъ былъ для меня Лондономъ, Парижемъ, Берлиномъ и проч., хотя не было въ немъ ни одной книги, кромѣ «Уложенія о Сибири», хотя не было въ немъ ни газетъ, ни журналовъ, никакихъ собраній древностей и предметовъ естественныхъ, хотя все тамошнее годилось въ самыя лучшія собранія. Всего непріягнѣе для Кастрена было то, что онъ не могъ найти ни одного лица между христіанами, котораго бы занимало что-либо другое, промѣ барышей, «Чего, вирочемъ, ждать отъ людей, которые отказа-

лись отъ всѣхъ радостей и наслажденій образованной жизни, для того, чтобы всячими неправдами наживаться начетъ престодушныхъ и легковѣрныхъ туземцевъ? Въ этомъ имъ посчастливилось; но зато большая часть этихъ искателей счастія развратилась нравственно и впала вмѣстѣ съ тѣмъ въ животное огрубѣніе, въ несравненію худшее, нежели грубость дикаря.» Кастренъ имѣлъ въ Обдорскѣ обширное поле для наблюдений. «Результаты моихъ изслѣдований — пишетъ онъ — представлю обстоятельнѣе въ особомъ, обширномъ сочиненіи, а здѣсь брошу бѣглый взглядъ на обдорскихъ Остяковъ, которыхъ прежде никогда не имѣлъ случая наблюдать. Оставляя на этотъ разъ въ-сторонѣ вопросы о ихъ происхожденіи, ихъ сродствѣ съ Финнами и Мадьярами, передамъ здѣсь вкратцѣ нѣсколько своихъ замѣчаній объ ихъ бытѣ, вѣрованіяхъ, нравахъ и обычаяхъ.

«Какъ Самоѣды, такъ и Остяки распадаются на множество родовъ, изъ которыхъ каждый самъ по себѣ составляетъ обширную семью. У Остяковъ, принявшихъ христіанство, различіе это уже исчезло, и они управляются русскими законами и обычаями. Одни обдорскіе Остяки крѣпко держатся своего патріархального устройства, которое поддерживается въ народѣ согласіе, нравственность и чистоту нравовъ. Побудительная здѣсь сила къ добру — любовь къ своему роду. Каждый родъ состоитъ изъ нѣсколькихъ семей, связанныхъ между собою единствомъ происхожденія и связями родственными. У Остяковъ и особенно у Самоѣдовъ нерѣдко встречаешь роды, состоящіе изъ нѣсколькихъ сотенъ и даже нѣсколькихъ тысячъ душъ, изъ которыхъ многие не помнятъ своего первоначального происхожденія, но тѣмъ-не-менѣе все считаются родственниками и не вступаютъ между собою въ брачные союзы и въ обязанность себѣ вмѣняютъ помогать другъ другу. Обыкновенно на кочевыхъ своихъ все, принадлежащія къ одному роду, семьи живутъ вмѣстѣ, и, по требованію обычая, богатый дѣлить здѣсь свое имущество съ бѣднымъ. Остяки вообще народъ бѣдный и живутъ тѣмъ, что принесетъ день. Потому и помощь ихъ ближнему состоять въ томъ, что они братски дѣлятся между собою добычей. Вамъ чинично, что никто никогда не просить милостыни, но здѣсь считается безусловнымъ своимъ правомъ пользоваться帮忙емъ ближни-

го, безъ всякихъ церемоній. Ясно, что въ такомъ обществѣ преступлениія весьма рѣдки; каждый родъ имѣть своего старшину, обязанного смотрѣть за порядкомъ и согласиемъ въ родѣ. Когда два человѣка изъ одного и того же рода поссорятся между собою, то влутъ къ старѣйшинѣ, который, тутъ же на мѣстѣ безъ всякихъ юридическихъ формальностей, изрекаетъ свой приговоръ. Такимъ судомъ обыкновенно удовлетворяются обѣ стороны; въ противномъ же случаѣ, онъ могутъ апеллировать въ высшую инстанцію — князю. Множество родовъ, живущихъ другъ подъ друга, изстари признаютъ общаго главу, князя; достоинство это пожаловано официальнымъ дипломомъ Императрицею Екатериною II князьямъ оstaцкимъ въ Обдорскѣ и Куновоатѣ, въ Березовскомъ округѣ. Всякий такой князекъ имѣеть право въ своемъ округѣ решать всѣ тяжбы и разбирать всѣ преступлениа, исключая тѣхъ, которыми, по русскимъ законамъ, угрожаетъ наказаніе лишениемъ жизни. Главнѣйшая же обязанность князька — поддерживать согласіе между отдѣльными родами и решать споры отдѣльныхъ лицъ изъ разныхъ родовъ относительно пастищъ, ловищъ и т. д. Ему подчинены всѣ старшины родовъ; самъ же онъ подчиняется русскимъ властямъ: Губернскому Правленію и Земскому Суду. Достоинство князя и родового старшины переходить наследственно отъ отца къ сыну. По малолѣтству сына, община избираетъ ему въ опекуны дядю или другаго близкаго родственника. За неимѣніемъ сына, ближайший родственникъ умершаго избирается ему въ преемники. Ни князьку, ни другимъ начальникамъ не изначается особаго жалованья: они содержатся добровольными приношеніями отъ своихъ подданныхъ.»

«Кромѣ родства, звеномъ сосланіенія между отдѣльными лицами одного и того же рода служитъ единство религіи. Каждый родъ издавна имѣть своихъ царевъ, которые часто сохраняются въ одной и той же юртѣ и чествуются отъ всего рода жертвоприношеніями и другими религіозными обрядами. Эти «божки юрты» стоять подъ надзоромъ духовнаго, который въ одно и то же время и прорицатель, и жрецъ, и врачъ и пользуется почти божескимъ почтениемъ. Такъ-какъ сущность религіи Остяковъ состоитъ въ магіи, то и жрецы преимущественно шаманы или прорицатели. Во всѣхъ сомнительныхъ случаяхъ

къ нимъ обращаются съ вопросами и цѣлые роды, и отдельные лица; самъ шаманъ непосредственно не отвѣтаетъ, но представляетъ вопросы на рѣшеніе боговъ и потомъ отвѣтъ ихъ передаетъ просителямъ.»

«Эти вопросы не могутъ быть предлагаемы высшему, небесному богу, такъ-называемому Остяками Турму (Turmt, Tigrum), потому-что онъ говорить съ людьми разгвѣяннымъ голосомъ грома и вѣтровъ. Про Турма говорить, что онъ всюду слѣдить за человѣкомъ, что отъ него ничто въ мірѣ, ни худое, ни хорошее, не укроется, и каждому воздастъ онъ по заслугамъ; но, несмотря на это, онъ существо страшное для людей. До него не достигаютъ никакія мольбы; онъ править судьбами мира и людей по неизмѣннымъ законамъ справедливости. Его милости нельзя заслужить никакими жертвами, потому-что онъ глядитъ только на внутреннее достоинство человѣка, а не на жертвы и молитвы. И потому, если Остякъ въ томъ или другомъ случаѣ нуждается въ высшей помощи, то обращается къ другимъ, подчиненнымъ богамъ. Они носить разные образы и составляютъ частью общую родовую собственность, частью принадлежать отдѣльнымъ семьямъ и лицамъ. Оба эти разные идолы мало между собою отличаются. По большей части они бываются изъ дерева, имѣютъ человѣческій видъ и представляютъ собою отчасти мужскія, отчасти женскія существа. Эти идолы украшаются богаче, чѣмъ остальные; ихъ наряжаютъ въ красныя одежды, надѣваютъ на нихъ бусы и пр., на лица ихъ часто накладываютъ желѣзныя блахи; а идолы мужскіе нерѣдко имѣютъ при себѣ мечъ, съ боку, и броню. Остяки обыкновенно хранятъ своихъ истукановъ въ особенной юртѣ или, за неимѣніемъ ея, гдѣ-нибудь, на чистомъ воздухѣ, на какомъ-нибудь отдаленномъ холмѣ. Вообще Остяки не любятъ выставлять напоказъ людямъ постороннимъ своихъ идоловъ и устраиваютъ свои священные юрты или храмы въ мѣстахъ отдаленныхъ, мало посѣщаемыхъ — предосторожность небезполезная и потому, что въ храмѣ хранятся жертвоприношенія — золото и мѣха; а похищеніе этихъ цѣнныхъ вещей едва ли соѣди ихъ не-язычники почтуть за святотатство. Вообще я не знаю, какъ многочисленны у Остяковъ ихъ храмы; но однажды, на пути въ Обдорскъ, я совершенно нечаянно очутился посреди ихъ боговъ, стоявшихъ подъ гу-

сто лиственницею. Они были обнажены и, вообще мало различались отъ самоѣдскихъ Сядеевъ. Остаки называли ихъ Илянъ (Jiljan), въ-отличие отъ всѣхъ другихъ истукановъ, которыхъ называютъ они Лонгъ (Long), что соотвѣтствуетъ самоѣдскому Хаю. Вышеупомянутые Иляны были всѣ разной величины. На мой взглядъ, самые высокіе — въ полтора аршина, а самые низкіе изъ нихъ — едва ли не въ половину. Въ той же рощѣ, гдѣ стояли истуканы, видѣлъ я множество оленыхъ шкуръ и роговъ, развѣшенныхъ по деревьямъ на виду у боговъ. Недалеко отъ этого мѣста жилъ бѣдный остицкій родъ, который пользовался рощею, какъ общечею своею святынею. О частныхъ и семейныхъ богахъ остицкихъ можно повторить то же, что сказано о самоѣдскихъ. Ови состоять отчасти изъ необыкновенныхъ камней и другихъ рѣдкихъ предметовъ, высоко почитаемыхъ въ своемъ естественномъ видѣ, отчасти и даже преимущественно, изъ небольшихъ деревянныхъ идоловъ съ лицемъ человѣческимъ и остроголовыхъ. Каждая семья; каждое отдельное лицо имѣютъ одного или нѣсколькихъ идоловъ, которые служатъ Остякамъ хранителями ихъ въ странствованіяхъ. Они, подобно Самоѣдамъ, кладутъ идоловъ въ особыя сани и наряжаютъ ихъ въ красныя одежды съ разными украшениями. Часто каждый изъ этихъ идоловъ имѣеть свое особяное назначеніе: одни покровительствуютъ стадамъ, другіе добруму лову, треты пекутся о здоровыи, четвертые о семейномъ счастьи, и пр. При нуждѣ ставить ихъ въ палаткахъ, на пастбищахъ, на ловищахъ. Здѣсь, повременамъ, приносятъ имъ жертвы, состоящія въ томъ, что маютъ губы рыбьимъ жиромъ или кровью и подносятъ имъ въ пищу рыбу или мясо. Такія жертвоприношенія совершаютъ можетъ всякий; но во время всеобщихъ жертвоприношеній богамъ, когда къ нимъ обращаются за совѣтами или цѣльный родъ, или отдельное лицо, тогда необходимъ бываетъ жрецъ или шаманъ; только ему возможно открыть волю боговъ и говорить съ ними. Шаману же непремѣнно необходимъ барабанъ. Обыкновенные звуки не доходятъ до слуха боговъ: шаманъ долженъ вести разговоръ пѣснью, съ сопровожденіемъ барабана. Идолъ иногда начинаетъ говорить; но эту рѣчь, естественно, понимаетъ одинъ только шаманъ. Для убѣжденія легковѣрной толпы, что богъ, действительно, говоритъ устами своими,

шаманъ обыкновенно навязываетъ тряпку на острѣ палки, и когда она начнетъ шевелиться, то это означаетъ, что духъ божій держитъ рѣчь къ шаману. Само собою понятно, что такой обрядъ никогда не проходить безъ жертвы, состоящей обыкновенно въ одномъ или нѣсколькихъ оленяхъ. Когда шаманъ заколетъ, то кожа и рога развѣшиваются въ честь боговъ по деревьямъ, мясо съѣдается всѣми присутствовавшими. Часть же мяса идетъ шаману.»

«Въ воззваніи къ богамъ и въ примиреніи вхъ жертвами состоить почти все богослуженіе Остяковъ. Иногда нѣкоторые роды совершаютъ разныя празднества въ честь боговъ. Самый торжественный изъ этихъ праздниковъ бываетъ осенью, когда кочевые Остяки съ богатыми добычами ворочаются съ тундръ къ своимъ братямъ-рыболовамъ на Оби. Это осеннеѣ празднество совершается въ извѣстные годы разными родами; въ немъ, однако, участвуютъ не только члены этихъ родовъ, но и другіе Остяки съ собою своихъ истукановъ, чтобы привѣтствовать боговъ сосѣднихъ и воспользоваться ихъ гостепріимствомъ. Всѣ посторонніе идолы ставятся въ особой юртѣ, гдѣ родъ хранить особой юрты, выстраиваютъ на этотъ случай пространный шалашъ. Празднество обыкновенно совершается ночью, и одинъ очевидецъ описываетъ его такимъ образомъ: «Праздникъ начался около восьми часовъ вечера и продолжался до двухъ часовъ по-полуночи. Передъ началомъ бѣгали ребята передъ юртами и созывали Остяковъ на богослуженіе. Они издавали при семъ какіе-то дикіе звуки и представлялись испуганными. Мало-по-малу собирались къ назначенній для богослуженія юртѣ. Вступая въ юрту, каждый Остякъ кланялся по три раза идолу и потомъ садился по правую сторону, или на скамью, или на полъ. Каждый бесѣдовалъ съ своимъ сосѣдомъ и занимался, чѣмъ ему было угодно. Лѣвая сторона была отѣлена перегородкою; за нее уходили только нѣкоторые, совершивъ по три поклона. Когда всѣ собрались, шаманъ началъ шумѣть саблями и желѣзными коньками, принесенными еще прежде въ юрту и положенными передъ идоломъ, потомъ каждому изъ присутствующихъ, кромѣ женщинъ, стоявшихъ за перегородкой. — Отл. II.

кою, дать въ руки саблю и копье, а самъ взялъ въ каждую руку по сабль и сталъ спиною къ идолу. Остальные Остяки расположились съ своимъ оружiemъ въ рядъ, одни по серединѣ, другие по сторонамъ. Потомъ всѣ они вмѣстѣ перевернулись три раза, съ протянутымъ вверхъ оружiemъ. Шаманъ забылъ другъ о дружку своими саблями, потомъ, по его знаку, всѣ закричали «Хай», при чёмъ они кланились то въ одну, то въ другую сторону. Послѣ длинныхъ промежутковъ снова раздались тотъ же крикъ и потомъ пошель все чаще и чаще, и при каждомъ его повтореніи они наклонялись то вправо, то влево, то опускали свои сабли и копья на землю, то подымали ихъ кверху. Эти крики и движениа Остяковъ продолжались съ часъ, при чёмъ они все болѣе горячились и приходили въ совершенное изступленіе, такъ-что наконецъ безъ ужаса я не могъ глядѣть на ихъ лица. Утомленные этими криками, наконецъ они умолкли всѣ вдругъ, опять обернувшись, какъ сначала, къ идолу и передали шаману свои сабли и копья, который собралъ ихъ и сложилъ на прежнее мѣсто. Одни изъ Остяковъ усѣлись на лавки, другіе на полъ. Тогда сняли перегородку, закрывавшую женщинъ, заиграли *домбра* (*Dombra*), и мужчины и женщины пошли пасатъ. Пляска, то дикая, то комическая, продолжалась довольно долго. Потомъ явились нѣсколько скомороховъ въ забавныхъ нарядахъ и продолжали тѣ же сцены, какія происходили и при танцахъ. Наконецъ шаманъ опять раздалъ всѣмъ сабли и копья. Остяки нѣсколько времени кланились и кричали «Хай» попрежнему, три раза оборачивались и втыкали оружіе острѣмъ въ землю, потомъ, отдавъ сабли и копья шаману, разошлись всѣ по домамъ. Въ этомъ описаніи является только одинъ идолъ, и празднѣкъ описанъ такъ, какъ будто его праздновалъ только одинъ родъ; но, по нѣкоторымъ частностимъ, описание это нѣсколько отличается отъ собранныхъ мною свѣдѣній. Такъ — продолжаетъ Кастренъ — рассказывали мнѣ, что празднѣкъ это продолжается десять ночей сряду, и что пляску эту съ оружiemъ въ первую ночь пляшетъ передъ идолами только одинъ шаманъ, во вторую ночь два Остяка, въ третью три, и такъ далѣе, въ той же прогрессіи, до послѣдней ночи, когда всѣ присутствующіе, даже женщины, имѣютъ право воздать идоламъ эту почестъ. Ворочающіеся съ тундръ Остяки чествуютъ своихъ боговъ бога-

тыми угощеніями; въ жертву приносятъ оленей, и шаманъ подноситъ каждому изъ боговъ по куску мяса, мажетъ кровью губы его и лицо, даетъ ему пить воды и всячески ихъ угощаетъ. Когда боги, по мнѣнію шамана, достаточно наѣлись, они отбираютъ отъ нихъ мясо, и его съѣдаютъ сами Остяки. Все же, чѣмъ за тѣмъ останется отъ этого жертвеннаго пира, достается шаману. Такіе обряды жертвоприношеній происходятъ и при многихъ другихъ обстоятельствахъ: при началѣ какого-нибудь предпріятія, перель предстоящими долгими путешествіями и кочевками, и пр. Если рыбная ловля въ Оби идетъ дурно, то обдорскіе Остяки повязываютъ оленю камень на шею и кидаютъ его въ рѣку, какъ жертву.»

«Хотя въ этихъ обрядахъ и празднѣствахъ нельзя не признать нѣкоторыхъ началъ религіи, но тѣмъ-не-менѣе значеніе весьма маловажно. Не глубокая религіозная потребность, а только себѧлюбивый эгоизмъ побуждаетъ къ богопочтенію. Идоламъ приносить жертвы и чествовать ихъ не ради ихъ самихъ, но съ намѣреніемъ получить исполненіе своихъ желаній и удовлетвореніе своихъ нуждъ. За все, что имъ дается, боговъ себѣ въ услуженіе, есть вознагражденіе за оказанную уже службу. Нерѣдко сами боги назначаютъ плату за требуемыя отъ нихъ услуги. Шаманъ, какъ въ этомъ, такъ и въ другихъ отношеніяхъ, есть истолкователь воли боговъ. Если они, съ своей стороны, предъявляютъ слишкомъ неумѣренныя требования, то гадатель рѣзкими словами и угрозами побуждаетъ ихъ къ болѣй умѣренности, чтѣ обыкновенно и увѣличивается успѣхомъ. Такимъ-образомъ, ясно, что Остяки въ своихъ идолахъ предполагаютъ не какія-нибудь сверхъестественные силы, но только духовъ, имъ покорныхъ. Только хотя онъ не представляетъ собою предмета особаго поклоненія. Еще менѣе имѣютъ значенія лѣсной богъ *Менезъ* и водяной *Куль* (*Kulj*), изъ которыхъ послѣдній особенно рисуется божествомъ злымъ и вреднымъ. Нѣкоторою степенью богопочитанія пользуется у Остяковъ, какъ и у другихъ родственныхъ народовъ, медведь, какъ одаренный необыкновенною силой. У обдорскихъ Остяковъ и даже видѣль нѣсколько ихъ изображеній въ маломъ видѣ, вылитыхъ изъ мѣди и почи-

таемыхъ, какъ божественные сущности. Есть преданіе, что изображенія эти еще въ древности заимствованы ими отъ Пермяковъ и Зырянъ, которые тоже поклонялись медвѣду. Остяки воздаютъ также поченіе извѣстнымъ деревьямъ и священнымъ мѣстамъ. Такъ, если растетъ кедръ посреди сосноваго лѣса, то онъ вмѣстѣ съ окружностью своею считается священнымъ. Съ благоговѣніемъ чествуютъ, какъ святыню, и такія мѣста, гдѣ семь лиственницъ растутъ рядомъ. Обыкновенно въ такихъ мѣстахъ встрѣчаешь одинъ или нѣсколько идоловъ и множество въ честь ихъ развѣшанныхъ по деревьямъ оленевыхъ кожъ, роговъ и пр.»

«Говоря о вѣрованіяхъ Остяковъ, нельзя пройти молчаниемъ употребляющейся, какъ у нихъ и Самоѣдовъ, такъ и у многихъ другихъ народовъ, обычай чествовать память умершихъ жертвоприношеніями и другими обрядами. Такое пониманіе основано на всеобщемъ распространенному вѣрованію, что умершій, хотя и похороненный, сохраняетъ, однако, свои потребности и наклонности. Потому-то и кладутъ на его могилу сани, конѣ, топоръ, ножикъ и другія вещи, которыми онъ можетъ приготовлять себѣ пищу. Какъ при погребеніи, такъ и послѣ нѣсколько лѣтъ родные приносятъ на его могилѣ въ жертву оленей. Умрѣть ли старый высокопочитаемый человѣкъ, то ближайшіе родственники приготовляютъ его изображеніе, которое и сохраняется въ палаткѣ и пользуется тѣмъ же уваженіемъ, какъ и онъ самъ при своей жизни. При каждомъ обѣдѣ сажаютъ его за столъ, каждый вечеръ раздѣваютъ его и кладутъ въ постель, каждое утро снова его одѣваютъ, и постоянно и вездѣ занимаетъ оно мѣсто покойника. Изображеніе это чествуется такимъ образомъ три года, а потомъ опускается въ могилу. Въ это время думаютъ, что тѣло покойника уже совершенно сгнило и съ нимъ вмѣстѣ окончилось и его бессмертіе.»

«Какъ дѣйствіе въ высшей степени религіозное, считается у Остяковъ, какъ и у Самоѣдовъ, присяга. Если противъ Остяка совершиено преступленіе тайно и онъ имѣеть на кого-нибудь подозрѣніе, то можетъ требовать къ присягѣ лицо, имъ подозреваемое. Одинъ изъ самыхъ сильныхъ видовъ присяги дается надъ медвѣжьей головою. Такъ же, какъ и у Самоѣдовъ, обвиненный разрѣзываетъ ножомъ медвѣжій носъ и приговари-

ваетъ: «Если моя клятва ложна, да сожретъ меня медвѣдь». Присяга передъ идолами такъ же обычна у Остяковъ и совершается съ тѣми же обрядами, какъ и у Самоѣдовъ. Подобная клятва считается священою, и почти всякий Остякъ убѣждень въ томъ, что клятвопреступничество подвергается неизбѣжному наказанію. Потому, когда обвиненный, дѣйствительно, совершилъ преступленіе, то онъ и не рѣшаются на клятву, а охотно въ немъ признается. Потому-то всякий очистившій себя присягою навсегда уже считается совершенно чистымъ и безупречнымъ. Потонетъ ли же кто, или сгоритъ, или кого сѣсть медвѣдь, про того говорятъ, что онъ при жизни своей далъ ложную присягу. Свидѣтели никогда не присягаютъ: имъ вѣрять на слово, и все, кроме сумасшедшихъ, могутъ быть свидѣтелями. Дѣти могутъ свидѣтельствовать противъ родителей, сестры противъ сестеръ, жены противъ мужей, и обратно. Въ этомъ видно глубокое чувство справедливости и взаимная довѣрчивость.»

«Говоря о вѣрованіяхъ, нельзя не сказать нѣсколько словъ и о бракѣ, который, впрочемъ, у Остяковъ имѣеть значеніе болѣе соціальное, чѣмъ религіозное. Какъ у Самоѣдовъ, такъ и другихъ родственныхъ съ ними племенемъ бракъ заключается со стороны невѣсты отцомъ ея или другими родственниками. Сама женщина, какъ въ этомъ, такъ и въ другихъ важныхъ случаяхъ, исключительно до нея относящихся, не имѣеть никакого голоса. Она раба въ полномъ смыслѣ слова. Но этого мало: она считается въ то же время существомъ нечистымъ и живеть въ глубочайшемъ униженіи. Потому-то она и живеть совершенно отдѣльно отъ прочихъ членовъ семьи; за всѣми ея движеніями слѣдятъ до малѣйшихъ подробностей; всякое мѣсто, куда она ни сидѣть, очищается потомъ куреніями. Чувствуя свое полное униженіе, Остячка никогда не выражаетъ своихъ желаній, она должна равнодушно смотрѣть на то, какъ желающему пролается ея сердце или отцомъ, или братомъ, или другимъ какимъ родственникомъ. Собственныя ея желанія никогда не берутся во вниманіе, и съ нею поступаютъ такъ же, какъ и со вскимъ другимъ товаромъ. Ея не ведутъ на рынокъ; но судьба ея рѣшается наиболѣшемъ платою. Цѣна за молодую лѣвушку измѣняется по мѣстностямъ. Въ Обдорскѣ за дочь

богатаго человѣка даютъ 50 — 100 оленей, а человѣкъ бѣдный продаєтъ дочь за 20—25 оленей. Что дочери богатаго цѣняются дороже дочерей бѣднаго человѣка, причина этого заключается въ томъ, что будущій мужъ можетъ впослѣдствіи расчитывать на вспоможенія тестя, не говоря уже о приданомъ, котораго всегда больше у невѣсты богатой. Съ дорогою женой тѣ же отношенія, что съ дорогимъ товаромъ, который, съ теченіемъ времени, приноситъ владѣльцу болѣе выгоды, чѣмъ товаръ дешевый. Что отецъ или опекунъ дѣвушки получаетъ такую плату, въ томъ, по понятіямъ Остяковъ, нѣть ничего страннаго. Дочери обыкновенно выдаются замужъ въ такомъ возрастѣ, когда онъ уже способны къ всякой работѣ. Какъ же, съдовательно, можетъ человѣкъ совершенно чужой и посторонній требовать, чтобы для него кормили, содержали и воспитывали женщину, которая станетъ потомъ на всю жизнь его рабою? Отецъ могъ бы оставить свою дочь и у себя дома: подросши, она бы вознаградила ему издержки его на ея воспитаніе. Если онъ добровольно отдаетъ свою собственность, то весьма понятно, что женихъ долженъ вознаградить его выкупомъ, извѣстною платою, за понесенные имъ издержки. Этотъ выкупъ есть, однімъ словомъ, вознагражденіе за попеченіе, воспитаніе и содержаніе дочери во время ея дѣтства. Сумма выдается, смотря по предварительному соглашенію, или прежде, или послѣ брака. Если же сумма была выдана прежде, а невѣста или женихъ умретъ до брака, то сумма эта возвращается назадъ: Но женихъ, по смерти невѣсты, имѣть право за свой выкупъ требовать другой дочери, если такая имѣется.»

«У Остяковъ дозволено многоженство; но теперь, за высокую цѣною невѣсты, оно встрѣчается исключительно и рѣже и рѣже. Въ бытность мою въ Обдорскѣ — говорить Кастренъ — мы могли указать только на одного троеженца; немного тоже было и двоеженцевъ. При многоженствѣ существуетъ странный обычай, что мужчина можетъ жениться на несколькиихъ сестрахъ; но противъ такого брака многие возстаютъ, потому что опытъ доказалъ, что сестры въ подобномъ бракѣ рѣдко уживаются. Слѣдуетъ еще упомянуть, что братья не могутъ жениться на родныхъ сестрахъ, даже и отъ разныхъ матерей. Если мужъ или жена умретъ, то раньше году нельзѧ вступить

въ новый бракъ. Сынъ или дочь по смерти отца или матери не могутъ вступать въ бракъ раньше двухъ лѣтъ.

«Низкое мѣсто, занимаемое женщинами у Остяковъ и другихъ сибирскихъ дикарей, видно и изъ того, что она лишена правъ наследства. Потому ни мужъ не наслѣдуется послѣ жены, ни вдова не наслѣдуется никакой части въ имуществѣ покойнаго мужа. Все имущество умершаго раздѣляется на равные части между его сыновьями, которые обязаны содержать мать, сестеръ и другихъ родственницъ. Если же по смерти отца сыновья остаются малолѣтними, то вмѣстѣ со всеми живущими семью они берутся въ опеку ближайшими родственниками, при чемъ послѣдние получаютъ такую же часть имущества, какъ и каждый изъ сыновей. Если же умершій не оставилъ послѣ себя сына, то имущество его раздѣляется между его близкими и дальними родственниками, которые обязаны заботиться о содержаніи его вдовы и дочерей.»

«По образу жизни обдорскіе Остяки раздѣляются на рыбаковъ и на владѣтелей оленей. Первые живутъ по рекамъ, особенно по Оби и Нарыму; послѣдніе кочуютъ, по-крайней-мѣрѣ, часть года по тундрѣ и живутъ тамъ въ постоянномъ сношении съ Самоѣдами. Число Остяковъ, занимающихся исключительно уходомъ за оленями, относительно весьма незначительно и ежегодно уменьшается отъ смѣщенія съ сильнымъ племенемъ Самоѣдовъ. Смѣщеніе это такъ быстро идетъ впередъ, что оленные Остяки не только усвоили себѣ вѣрованія, права и обычай Самоѣдовъ, но даже и языкъ ихъ, на которомъ нерѣдко говорятъ лучше, чѣмъ на своемъ. Итакъ, для ознакомленія съ бытомъ Остяковъ, надо обратить вниманіе на тѣхъ, которые занимаются рыболовствомъ. И они различаются въ своемъ образѣ жизни: одни изъ нихъ живутъ только рыболовствомъ, другіе же, кромѣ-того, содержать и оленей. Послѣдніе изъ нихъ, по-крайней-мѣрѣ, лѣтомъ раздѣляются на двое, изъ которыхъ одинъ исключительно преданы рыболовству, другіе отправляются на кочевья со своими оленями. Сама природа въ теплое время года влечетъ оленя къ морскимъ берегамъ, потому что его толстая шкура требуетъ болѣе холодной атмосферы, и, кромѣ-того, здѣсь его не такъ мучать комары, сущая изва для него во время ли-

ия. Проживая съ своими оленями по берегамъ Ледовитаго моря, Остякъ, подобно Русскимъ и Самоѣдамъ, занимается тамъ и морскою ловлею, бѣть тюленей, моржей, бѣлыхъ медвѣдей и т. д. Впрочемъ, изъ Остяковъ весьма немногіе удаляются къ самому морю. Большая часть изъ нихъ въ самую жаркую пору проживаетъ на сѣверныхъ тундрахъ; но лишь-только станетъ холоднѣе и исчезнутъ комары, они идутъ въ лѣсныя страны на востокъ отъ Урала, гдѣ бываютъ лисиць. При наступлѣніи зимы, кочующіе по берегамъ морскихъ Остяки и Самоѣды начинаютъ уходить въ лѣсныя страны, главнымъ-образомъ для того, чтобы найти и себѣ и оленямъ своимъ уѣхши отъ страшныхъ бурь. Эти перекочевки происходятъ медленно: большихъ переходовъ не дѣлаютъ, иногда по цѣльмъ днамъ остаются на одномъ мѣстѣ и прилежно занимаются охотою. Каждый родъ держится плотно и отдельно отъ другихъ и идетъ подъ начальствомъ князя или старшины. Къ концу декабря всѣ эти кочующія толпы сходятся на обдорской ярмонкѣ. Уже по службѣ обязаны всѣ князя и старшины присутствовать здѣсь, наблюдая за-тѣмъ, чтобы каждый въ его племени и родѣ внесъ известный оброкъ, и чтобы было доставлено требуемое количество определенныхъ закономъ мѣховъ. (*) Съ обдорской ярмонки всѣ туземцы снова ворачаются въ лѣсныя страны и все холодное время года занимаются тамъ охотою. Самоѣды и Остяки, исключительно занимающіеся оленями, рано весною идутъ къ морскому берегу: Остяки же, которые часть семьи своей оставляютъ по рѣчнымъ берегамъ, не спѣшатъ своимъ отправлениемъ, менѣе для нихъ необходимымъ и потому, что они не посѣщаются отдаленными берегами Ледовитаго моря. Проживая въ лѣсахъ съ своими оленями, они располагаются тамъ въ своихъ постоянныхъ жилищахъ, или такъ-называемыхъ юртахъ, вовсе незнакомыхъ Самоѣдамъ и кочующимъ Остякамъ.»

(*) День собственно состоится изъ двухъ лисицъ на каждого мужчину; но казна не требуетъ, чтобы вносились одни лисиць мѣха. Она опредѣлила разъ навсегда, сколько мѣховъ каждого животного должны представить всѣ племена. Недостатокъ того или другого мѣха известнаго животного во-власти князя дополнить линчими мѣхами.

«Очевидно, что Остяки, проживающіе большую часть года на одномъ и томъ же мѣстѣ, могутъ обладать только незначительнымъ количествомъ оленей: большія стада требуютъ пристранныхъ пастьбищъ и вовсе не допускаютъ жизни осѣдлой. Но, какъ бы ни были незначительны стада у Остяковъ, всѣ же онѣ составляютъ ихъ главное богатство, потому-что олень доставляетъ Остяку не только пищу и одежду, но онъ полезенъ ему и для поѣздокъ на охоту и для путешествій. Остяки же, не имѣющіе оленей, для поѣздокъ своихъ употребляютъ собакъ, который своему влѣдѣцу не только не доставляютъ пищи, но и требуютъ на содержаніе свое немалыхъ издержекъ, хотя и совершенно не могутъ замѣнить оленей. Для этихъ Остяковъ рыболовство — главнѣйшее и почти единственное средство пропитанія.»

«Опытъ доказалъ, что почти вездѣ въ полярныхъ странахъ дики, исключительно преданные рыболовству, не могутъ достичь благосостоянія, а обыкновенно живутъ въ величайшей бѣдности, нерѣдко соединяясь съ развратомъ и пьянствомъ. Причины тому большую частью случайныя; отчасти онѣ основаны на неспособности и неумѣніи пользоваться богатыми источниками, доставляемыми природою, отчасти вообще на нравственной слабости дикихъ племенъ противиться искушенію крѣпкихъ вапитковъ, доставляемыхъ чужеродными переселенцами. Въ этихъ обстоятельствахъ заключается, по-крайней-мѣрѣ, главная причина бѣдности, такъ сильно господствующей у Остяковъ-рыболововъ. Сверхъ-того, себялюбивыя и не совсѣмъ честные къ нимъ отношенія переселенцевъ — также немаловажное препятствіе для ихъ благосостоянія. Эти переселенцы ввели пагубную систему кредита и приютили Остяковъ къ разнымъ произведеніямъ роскоши, которымъ назначаютъ самыя произвольныя цѣны. Оттого долги Остяковъ сдѣлались неоплатными, и надо полагать, что они съ каждымъ годомъ будутъ возрастать, потому-что число потребностей увеличивается, тогда-какъ усердіе и прилежаніе у Остяковъ замѣтио ослабѣваютъ. Въ настоящее время, по-крайней-мѣрѣ, Остякъ не можетъ оставаться вовсе безъ хлѣба, который доставляется ему купцами. Не будучи въ-состояніи тотчасъ заплатить за товаръ, потому-что у него есть еще старые долги, онъ по не-

въль обязывается доставить купцу рыбу на будущій годъ. Такимъ-образомъ, онъ совершенно въ его рукахъ: купецъ назначаетъ и товарамъ Остяка, и своимъ собственнымъ такую цѣну, какую ему заблагоразсудится. Вредъ этой торговли какъ для Остяковъ, такъ и для другихъ туземцевъ Сибири само правительство старалось искоренить отчасти особыми предписаниями, отчасти устройствомъ хлѣбныхъ магазиновъ; но зло пустило такие глубокіе корни, что его долго нельзя будетъ совершенно истребить. Вся рыба, которую Остяки продаютъ такимъ образомъ купцамъ, ловится лѣтомъ. Въ это время промышленники изъ Обдорска, Березова и Тобольска разѣзываются на своихъ ладьяхъ по Оби, забираютъ себѣ весь уловъ Остяковъ, сами солятъ эту рыбу, которую и сохраняютъ потомъ въ построенныхъ по берегамъ рѣки анбараахъ. Къ началу осени продавъ свою муку и тѣмъ опроставъ свои суда, отправляются домой, нагрузивъ ихъ сложеною въ анбараахъ рыбью. Между-тѣмъ, Остяки продолжаютъ свою рыбную ловлю. Часть рыбы, теперь ими уловленной, сохраняется въ садкахъ, откуда осенью вытаскиваютъ ее сѣтями и начинаютъ замораживать. При наступлении весны снова приходятъ Русские въ Зыране для покупки мерзлой рыбы, часть которой привозятъ и сами Остяки на ярмарку въ Обдорскъ. Рыбная ловля продолжается и зимою; но эта рыба въ торговлѣ цѣнится весьма мало, и, притомъ, она добывается въ такомъ незначительномъ количествѣ, что едва только удовлетворяетъ и ежедневнымъ потребностямъ. Обыкновенные рыбы въ Оби: 1) щука, окунь, ершъ, плотва (онѣ водятся въ Оби, какъ лѣтомъ, такъ и зимою); 2) осетръ, сельдь, налимъ и различные роды лососей, называемые Русскими *муксунъ*, *нельма*, *сырокъ*, *пыдэсанъ* — такая рыба, которая въ началѣ июня, тотчасъ послѣ вскрытия рѣки, появляется въ ней, а зимою снова уходитъ въ море. Особенно цѣняются осетръ и лососи; остальную рыбу больше оставляетъ Остякъ для себя и для своихъ собакъ. Лѣтнюю рыбную ловлю Остякъ большую частью производить сѣтями, при чёмъ самъ обыкновенно лежитъ на песчаномъ, удобномъ для этой ловли берегу (по-русски, *песокъ*). Лѣтомъ обыкновенно ловятъ рыбу вершами изъ пеньки, прикрѣпляя ихъ къ палкамъ, которыя становятся на небольшихъ рѣчныхъ рукавахъ; ловятъ также и удою. Лѣтомъ употребляютъ и неводъ въ родѣ

мѣшка, кладутъ въ него камень и опускаютъ на дно рѣки. Неводъ привязывается веревкою къ лодкѣ, на которой плутъ противъ течения. Рыбакъ, потянувъ веревку, легко замѣчаетъ, попала ли въ неводъ рыба, что при изобиліи рыбы дѣлается быстро. Зимняя самая обыкновенная и самая легкая ловля производится такъ: въ небольшомъ рѣчномъ рукавѣ ставятъ палку и къ ней прикрѣпляютъ малыя верши, обыкновенно дѣлаемыя изъ тонкихъ вѣтвей лиственницы; но производятъ зимнюю ловлю и сѣтями, и удою, и т. д.»

«Нарядъ обдорскихъ Остяковъ, если исключить заимствованный отъ пограничныхъ Татаръ обычай женщинъ носить покрывала, во всемъ сходенъ съ самоѣдскимъ, такъ-что въ нашемъ бѣгломъ обзорѣ предметъ этотъ не требуетъ подробнаго изслѣдованія. Жилища же своихъ Остяковъ строятъ такъ же, какъ и сосѣди ихъ Самоѣды; такъ-называемыя юрты Остяковъ-рыболововъ — небольшія, очень низкія избы съ открытою, глиняною трубою (*tschuiwal*) въ углу горницы. Въ стѣнѣ или крыше продѣливается длинное окно, которое зимою покрывается листомъ желѣза. Въ лучшихъ юртахъ въ горницѣ, где проживаетъ семья, все стѣны покрываются рогожами. Иногда передъ входомъ въ юрту пристраивается небольшая кѣть, где сберегаютъ одежду и всякую рухлядь. Таковы обыкновенно бывають зимнія юрты. Кроме зимнихъ многія семьи имѣютъ свои особенные лѣтнія юрты, безъ пола и очага. Огонь горитъ по серединѣ юрты, и дымъ проходитъ наверхъ черезъ длинное отверстіе. Тамъ-и-самъ встрѣчашь торфяные юрты остяцкихъ нищихъ, устраиваемыя отчасти подъ землею.»

«О наружности и характерѣ Остяковъ Палласъ (*) сдѣлалъ слѣдующее замѣчаніе: «Роста они по большей части средняго и малаго, слабосильны и узкоплечи. Лица у нихъ почти всегда непріятныя, блѣдныя, безъ всякаго рѣзкаго выраженія. Рыжий цветъ волосъ, всегда склоченныхъ у мужчинъ, еще болѣе обезображиваетъ ихъ. Между женщинами также рѣдко встрѣтишь лицо пріятнос. Остяки вообще робки, суевѣрны и без-

(*) *Reise durch die verschiedenen Provinzen des Russischen Reichs III.*
S. 319.

толковы, хотя вообще простосердечны, работящи съ дѣтства, но только для удовлетворенія первыхъ нуждъ, вообще же склонны къ праздности, особенно мужчины, въ хозяйствѣ нечистоплотны.» Считаю нужнымъ замѣтить — говорить Кастренъ — что хотя и и много видѣлъ Остяковъ бѣолицыхъ и свѣтлорусыхъ, но думаю, что это потомки Зырянъ, бѣжавшихъ въ Сибирь во время проповѣди св. Степана; вообще они смуглы и черноволосы. Да и вообще Остяки не принадлежать къ некрасивымъ племенамъ сибирскимъ, у которыхъ носы сплющеные, глаза узкие, скулы, выдавшіеся впередъ — главное отличие Монголовъ и Тунгусовъ; они скорѣе приближаются къ финскому, самоедскому и тюркскому племенамъ. Особенно рѣзкаго типа они, кажется, не имѣютъ, чт. можетъ-быть, есть слѣдствіе ихъ смѣшанія съ чужими племенами. Трусость, суевѣrie, глупость и добросердечіе — качества общія всѣмъ дикарямъ сибирскимъ. Но Палласъ пропустилъ одно ихъ прекрасное свойство: ихъ услужливость и чувство справедливости. Остякъ никогда не покинетъ въ нуждѣ своего ближняго и не захлопнетъ двери просящему: онъ удѣляетъ охотно все, что имѣеть; кто побогаче, считается обязанностью своею помогать ближнему. Воровства почти вовсе нѣтъ: домъ всегда остается незапертymъ, иные вещи просто оставляются на тундрахъ. Остяки не пытаются никакой непріязни другъ къ другу и живутъ по-братьски. Нечистоплотность же, въ которой Палласъ упрекаетъ Остяковъ, есть общее качество всѣхъ народцевъ, занимающихся рыболовствомъ, и въ такой же степени встрѣчается и на берегахъ норвежскихъ, и на берегахъ Оби. Многія занятія рыбака сами по себѣ уже нечистоплотны; временные ихъ жилища слишкомъ тѣсны, такъ-что некуда ему спрятать своихъ изорванныхъ, испачканныхъ одеждъ, которыя онъ носитъ въ тяжеломъ своемъ промыслѣ. Дымъ дѣлаетъ свое дѣло и увеличиваетъ нечистоту, которая распространяется, кромѣ-того, зловонный запахъ. Тягости промысла часто удерживаютъ рыбака отъ заботъ о себѣ и хозяйствѣ своемъ, такъ-что онъ привыкаетъ наконецъ къ нечистотѣ. Что она не есть отличительная черта народности Остяковъ, но слѣдствіе самого образа жизни, доказывается тѣмъ, что нечистота преобладаетъ только у рыбаковъ и вовсе незна-

кома кочевникамъ и владѣльцамъ оленей. Къ преимуществамъ кочевой жизни, по-крайней-мѣрѣ, въ полярныхъ странахъ, принадлежать занятія чистыя, а не грязныя. Безпрерывные переходы съ мѣста на мѣсто приносятъ, кромѣ многаго другаго, и ту выголу, что не можетъ быть грязи ни въ самихъ палаткахъ, ни вокругъ ихъ. Чѣдѣ и садится съ очага и заходитъ лаго котла на платы, то скоро развѣвается вѣтромъ на тундрахъ, и, притомъ, это не такъ замѣтно на одеждахъ изъ грубыхъ оленьихъ шкуръ.»

Составилъ В. ЛАМАНСКИЙ.

УРОДАЯ ЯЧМЕННОГО ХЛЕБА ВЪ БИРЗОВСКОМЪ КРАѢ, СУРГУТСКАГО ОТДѢШНИЯ, ВЪ СЕЛѢ МАРКСКОМЪ. Давно желалъ я узнать, дѣйствительно ли въ этой сѣверной сторонѣ родится хлѣбъ. Съ этой цѣлію до-
сталъ я ячменныхъ сѣменъ и въ 1854 году рѣшился посѣять, въ
видѣ опыта, небольшое количество въ огородѣ. Эта первая по-
пытка вполнѣ оправдала мое предположеніе и понудила меня къ
далѣнѣйшимъ предпріятіямъ. Въ слѣдующій 1855 годъ, за не-
имѣніемъ удобныхъ чистыхъ мѣстъ, которыхъ бы не топило
водой, я предпринялъ расчистить лѣсистое мѣсто, чтѣ хота-
стоило много трудовъ и издергекъ, но, при помощи Божіей, къ
12 мая успѣлъ я, однако, приготовить полдесятныи: распахалъ и
засѣялъ подъ соху 6 пудовъ того же мѣсяца 15 числа. Около
15 августа ячмень совершило созрѣть, быть снятъ, и получено
120 пудовъ крупнаго чистаго зерна.) Солома хлѣба была ростомъ
въ 1 аршинъ и 1 вершокъ отъ корня до колоса; а колосье заклю-
чалъ въ себѣ отъ 60 до 65 зеренъ. Это, впрочемъ, относится къ
самому лучшему ячменю. Средняя солома была вышиною до
1 аршина и 4 вершковъ; а колосье содержалъ до 50 зеренъ, и въ
самомъ скудномъ разрядѣ солома длиною до 1 аршина, а колосье
заключалъ отъ 30 до 25 зеренъ. Въ сѣменахъ ячменныхъ было
вмѣшано нѣсколько овсяныхъ сѣменъ, которыя также созрѣли.
Овесь самый лучший заключалъ въ себѣ солому отъ 1 съ полу-
виной аршина вышиною, и колосье до 46 кисточекъ, вмѣщающихъ
въ себѣ по 2 зерна; среднаго овса солома была вышиною въ
аршинъ и заключалъ до 35 двухъ-зерновыхъ кисточекъ; самый
скудный овесь состоялъ изъ соломы до 14 вершковъ длиною, и
колосьевъ, вмѣщающихъ въ себѣ двухъ-зерновыхъ кисточекъ,
числомъ до 21. Вообще произрастеніе, посѣянаго мною яроваго
хлѣба, успѣшио и изобильно.

Видя, что труды мои щедро Богомъ награждены, отъ выше-
упомянутаго мѣста, я еще расчистилъ одну десятину, которая
заключаетъ въ длину 80 сажень и ширину 40, распахалъ, разборо-
нилъ и подъ соху засѣялъ рожью, 15 августа. До замерзанія
земли отъ холода, зелень уже взошла до четверти вышиною,
а полдесятныи, на которой родился ячмень, была засѣяна 1 сен-
тября; — всходъ былъ малый красноватой; а всѣхъ сѣменъ на 1%
десятныи употреблено 18 пудовъ.

Какіе будуть результаты посѣянной ржи, почту за необходимо-
мое уведомить Общество вовремя.

Свящ. И. ТВЕРИТИНЪ.

Бершокъ = 11,1 см.
Сеятельное = 1,09 зв
Сеялка сѣмь = 2,13 зв.
Туфъ 2 16,3 кг.

VI.

ПРИЛОЖЕНИЯ.

1. ОБЩЕЕ СОБРАНИЕ ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

27 октября 1856 года.

Императорское Русское Географическое Общество имѣло, 27 сего
октября, первое послѣ навикуляриаго времени общее собраніе, въ кото-
ромъ, подъ предсѣдательствомъ Вице-Предсѣдателя, Члена Государствен-
наго Совѣта М. Н. Муравьеваго, присутствовали: Помощникъ Предсѣдателя,
тайный соѣзникъ А. И. Левшинъ, Почетный Членъ Ф. П. Литке, Дѣйстви-
тельные Члены, Члены-Сотрудники и почетные гости, всего 82 человѣка.

По прочтеніи Секретаремъ Общества списка книгъ, рукописей въ раз-
ныхъ другихъ подарновъ, поступившихъ въ Общество въ-течение лѣта
г. Вице-Предсѣдатель открылъ засѣданіе рѣчью (*), въ которой изло-
жилъ краткій отчетъ о дѣйствіяхъ Общества и о состояніи разныихъ ра-
ботъ его во время лѣтнихъ вакаціонныхъ мѣсяцевъ. Всѣль заслушъ Се-
кретарь Общества прочелъ краткія извлечения изъ письма Дѣйстви-
тельного Члена Семенова, посѣтившаго нынѣшию осенюю Киргизскую степь
Сибирскаго Вѣдомства. Путешественникъ сообщаетъ любопытныи сѣ-
дѣнія о поѣздкѣ своей на озеро Иссыкъ-Куль, куда не проникалъ до
сего времени ни одинъ изъ исследователей, посѣщавшихъ этотъ край.
«Продолжая путь свой изъ Копальского укрѣпленія за р. Коксу, я пере-
ѣхалъ — пишетъ г. Семеновъ — и черезъ р. Или, и потому, въ концѣ августа,

(*) Рѣчь эта напечатана въ этой же книжкѣ «Вѣстника», Отд. I, стр. 4.
Т. XVIII. — Отд. VI.